

本
格

СОДЗИ
СИМАДА

ТОКИЙСКИЙ ЗОДИАК

ХОНКАКУ-ДЕТЕКТИВ
ЯПОНСКИЙ ШЕРЛОК ХОЛМС

Содзи Симада Токийский Зодиак

Великий Содзи Симада буквально изобрел целый поджанр «логической загадки».

The Guardian

«Хитроумнейше и захватывающе экзотично».

Japan Times

«Одно из самых оригинальных решений загадки, которые я когда-либо встречал».

Энтони Горовиц

Список действующих лиц

1936

Хэйкити Умэдзава, человек искусства
Таэ Умэдзава, первая жена Хэйкити
Токико Умэдзава, дочь Хэйкити и Таэ
Масако Умэдзава, вторая жена Хэйкити
Юкико Умэдзава, дочь Хэйкити и Масако
Кадзуэ Канэмото, дочь Масако
Томоко Мураками, дочь Масако
Акико Мураками, дочь Масако
Ёсио Умэдзава, писатель (брат Хэйкити)
Аяко Умэдзава, жена Ёсио
Нобуё Умэдзава, дочь Ёсио и Аяко
Рэйко Умэдзава, дочь Ёсио и Аяко
Бундзиро Такэгоси, полицейский
Гэндзо Огата, владелец мастерской манекенов
Годзо Абэ, художник
Ясуэ Томита, владелец галереи
Хэйтаро Томита, сын Ясуэ
Куниэ Ямада, поэтесса
Мотонари Токуда, скульптор
Тамио Ясукава, мастер-манекенщик
Тосинобу Исибаси, художник
Ясуси Ямада, художник
Безумцы, манекены и пр.

1979

Киёси Митараи астролог, предсказатель судьбы и сам себе детектив

Кадзуми Исиока, иллюстратор и детектив-любитель

Эмодо, друг Киёси

Фумихико Такэгоси, полицейский (сын Бундзиро)

Хатиро Умэда, служитель тематического парка

Мисако Иида, дочь Бундзиро

Инспектор Иида, полицейский (муж Мисако)

Госпожа Като, дочь Тамио Ясукавы

Сюсай Ёсида, предсказатель судьбы и мастер-кукольник

Собака, майко, манекены, владелец магазина, туристы, официантки и пр.

Предисловие

Насколько мне известно, это самое странное из когда-либо совершавшихся преступлений. Абсолютно невозможное; ничего подобного, наверное, никогда не случилось не только в Японии, но и во всем мире.

В 1936 году в Токио произошла серия зверских убийств. Никто из причастных к делу лиц этих преступлений совершить не мог, и преступник так и не был найден.

Это запутанное дело, естественно, вызвало большой шум по всей Японии. Следователи ломали голову в поисках преступника сорок с лишним лет, но я не имел никакого касательства к этой загадке до весны 1979 года.

Преступление было задокументировано со всей тщательностью – остались все записи и протоколы, под рукой, казалось бы, все ключи, но загадка все равно самым необъяснимым образом не поддавалась.

Перед тем как дать на нее ответ, данная книга предоставляет читателям возможность поломать голову над ее решением, имея все необходимые для этого сведения.

Кадзуми Исиока

Пролог

Азот

Я начал писать эти строки для себя, не думая, что написанное попадет на глаза кому-то еще.

Однако постепенно оно приобретало форму, и это заставляло меня задумываться над тем, что когда-то мои записи могут увидеть другие люди. Исходя из такого предположения, я хочу четко обозначить для самого себя, что этот текст представляет собой что-то вроде завещания и одновременно «романтическую повесть».

Если, паче чаяния, после моей смерти данное сочинение возымеет какую-то ценность, как случилось с Ван Гогом, в воле читателей будет правильно воспринять мою последнюю волю и по своему усмотрению распорядиться тем, что останется после меня.

21 декабря 1936 года, пятница

Хэйкити Умэдзава

Последняя воля и завещание

Мной овладел дьявол. Я чувствовал, что где-то в глубине моей сущности поселилась чья-то чужая воля. А мое тело – лишь кукла, которой это *нечто* играет как ему хочется.

Это *нечто* – воплощение зла. Играет им, как ребенок игрушкой. Что только не делает, чтобы заставить меня содрогаться от ужаса.

Однажды вечером я увидел в своей комнате огромного, размером с тельца, моллюска. Он полз по полу, вытягивая вперед щупальца и оставляя за собой липкий след. Моллюск неуклюже вылез из-под стола и не спеша втянулся в щель между досками.

В другой день, под вечер, в быстро сгущавшихся из-за металлических решеток на окнах сумерках я заметил, что в каждом углу комнаты притаились по две-три ящерицы. Вот какие живые картины демонстрировало мне засевшее внутри меня *нечто*.

Как-то весной, на рассвете, я проснулся от смертельного, леденящего холода. Сидящий во мне демон хотел заморозить меня. Я слабел, демон нагло забирал мои молодые силы.

Как указывал Цельс^[1], чтобы исцелить одержимого дьяволом человека, нужно держать его на хлебе и воде и бить палками.

И как сказано в Евангелии от Марка: «Учитель! Я привел к Тебе сына моего, одержимого духом немым: где ни схватывает его, повергает его на землю, и он испускает пену, и скрежещет зубами своими, и цепенеет. Говорил я ученикам Твоим, чтобы изгнали его, и они не могли»^[2].

Я понял, что еще в детстве в меня вселился демон. Каких только мук я не испытал, пытаюсь изгнать его!

В одной книге я прочитал: «В Средние века перед человеком, одержимым бесами, возжигали благовония, обладающие резким запахом. Если с человеком случался припадок, у него выдергивали клочок волос, помещали их в бутылку и закупоривали. Считалось, что

мучившие несчастного бесы оказывались в ловушке и человек освобождался от них».

Я просил знакомых проделать это со мной, если у меня будет припадок, однако желающих не нашлось. Тогда я попробовал сам, но ничего не получилось. Люди лишь подумали, что я ненормальный. Они списывали являвшиеся мне образы на заурядную эпилепсию.

Те, кто не испытал того, что пережил я, меня не поймут. Мои страдания, не укладываясь в рамки чисто физиологических ощущений, сметали такие психические ограничители, как стыд и честь. В такие минуты я будто падал ниц перед участниками какого-то торжественного обряда, и на меня снисходило восторженное понимание того, что мое существование и все мои чаяния в этом мире суть нечто преходящее, мимолетное.

Сомнений не было: внутри моего тела жил некий паразит, демон с собственной, никак не связанной со мной волей. Живущая во мне сущность принимала форму шара, вызывая ощущение, получившее в Средние века название «глобус истерикус»^[3].

Обычно шар спускался в низ живота, к тазу, но периодически через желудок поднимался по пищеводу к самому горлу. Это случалось раз в неделю, строго по пятницам. Подобно тому, как описывает святой Кирилл, я валился с ног как подкошенный, язык сводила судорога, губы дрожали, изо рта шла пена. В такие минуты я слышал оглушительный бесовский хохот и чувствовал, как бесы молотками загоняют в мою плоть острые гвозди.

Черви, змеи и жабы выползали откуда-то сзади меня, комната наполнялась ходячими мертвецами и мертвыми животными, поганые рептилии подползали ко мне, хватали за нос, уши, губы и, пыхтя как паровоз, распространяли вокруг себя отвратительную вонь. Нет ничего удивительного в том, что эти гады – неизменные участники ведьминых шабашей и прочих нечестивых ритуалов.

В последнее время припадки у меня почти прекратились – во всяком случае, пену изо рта я больше не извергаю, – однако каждую неделю с наступлением пятницы чувствую, будто в груди

открываются и начинают, словно стигматы, кровоточить раны. В каком-то смысле это еще более тяжелое испытание, чем припадки. Мне кажется, я впадаю в экстаз, как сестра Катарина Чиалина из семнадцатого века или Эмилия Биччиери из Верчелли.

Демон погонял меня, нашептывал разные гадости, заставлял действовать. В результате с его помощью и по его желанию в этом мире появилась идеальная женщина, в каком-то смысле – богиня. Всеведущая и всемогущая, проще говоря – ведьма.

С недавних пор мне часто снится сон. Все время один и тот же. Сон – источник магии. Для магических обрядов годятся и травы, о которых упоминает Плиний, однако я изжариваю на огне ящерицу, пока ее тельце не превратится в пепел, и смешиваю его с превосходным вином. Намазываю себя этим снадобьем. От него хочется спать. И превращаюсь в марионетку, которой демон вертит как ему заблагорассудится. Нет! Не в марионетку, а в самого демона, и идеальная женщина является по ночам в моих видениях.

Я очарован ее красотой, силой и энергией, психической мощью и знаю, что передать на холсте образ этого создания мне не под силу. Я молюсь о том, чтобы увидеть ее воочию хотя бы раз, увидеть и умереть, и не могу побороть своего безумного желания.

Я называю эту женщину Азот. Философский камень алхимиков. Я решил дать ей это имя. О ней, идеальной женщине, которую хотел бы запечатлеть на холсте, я мечтаю тридцать с лишним лет.

По моему разумению, тело делится на шесть частей: голова, грудь, живот, поясница, бедра и ноги.

Западная астрология смотрит на человеческое тело как на своего рода мешок, представляющий собой проекцию Вселенной в миниатюре. За каждую часть тела отвечает определенная планета.

Головой руководит и дает ей силу ♂ (Марс), являющийся правящей планетой созвездия ♈ (Овна).

Грудь находится в зоне влияния созвездия ♊ (Близнецов) и созвездия ♌ (Льва). Ее охраняют в одно и то же время ♿ (Меркурий)

в Близнецах и ☉(Солнце) во Льве. Если же имеется в виду женская грудь, она находится под контролем и защитой ☾(Рака) и ☾ (Луны).

Живот соответствует созвездию ♍ (Девы), которую охраняет ☿(Меркурий).

Поясница – это ♎ (Весы). Весами управляет ♀ (Венера). Но если имеются в виду чресла женщины, то есть часть тела, отвечающая за половую функцию, ими управляет ♏ (Скорпион) или охраняющая это созвездие планета ♇(Плутон).

Бедра находятся в ведении ♏ (Стрельца). Соответственно командует ими протектор этого созвездия – ♃(Юпитер).

Ноги – это ♋ (Водолей). Над ними царствует управляющий Водолеем ♅(Уран).

Получается, что определенная планета придает силу той или иной части нашего тела. Например, рожденные под знаком Овна отличаются крепким умом. У тех, кто родился под Весами, здоровая поясница. Все эти особенности зависят от положения Солнца в момент рождения. Иначе говоря, сущность того или иного человека определяет какая-то часть тела. Человек на протяжении своей жизни оказывается не в состоянии превзойти себя, выйти за рамки банального существования, потому что благословением планеты-покровителя пользуется лишь одна часть тела.

По миру разбросаны люди с разными достоинствами: у одного хорошо работает голова, у другого – крепкая поясница. А что, если из всех людей выбрать шестерых, чтобы у каждого была сильная сторона – голова, грудь, поясница и т. д., и объединить эти части в одно тело? Что получится?

Родится идеальное создание, танцующее в лучах света. Стоит ли говорить, что оно будет далеко превосходить человека?

Тот, кто наделен силой, как правило, одарен и красотой. Предположим, это светлое создание вберет в себя черты шести непорочных дев. Тогда оно должно представлять собой идеал красоты. Я мечтаю запечатлеть на холсте женское совершенство, и у

меня явление такой красоты не может не вызывать восхищения, настолько сильного, что оно граничит со страхом.

По счастью, недавно я совершенно случайно обратил внимание, что те самые шесть дев находятся рядом со мной. Они живут в моем доме, и по чистой случайности все родились под разными созвездиями и отмечены планетами-покровителями. Это помогло моему художественному вдохновению в создании образа Азот.

Как это ни покажется кому-то удивительным, я – отец пятерых дочерей. Самая старшая – Кадзуэ, за ней Томоко, Акико, Токико и Юкико. Кадзуэ, Томоко и Акико – приемные дочери от моей второй жены, Масако. Юкико – наша общая дочь с Масако, а Токико родила мне Таэ, первая жена. Юкико и Токико – одногодки.

Моя жена Масако занималась балетом, поэтому с удовольствием взялась обучать наших девочек танцам и игре на фортепиано. К этому присоединились дочки моего младшего брата Ёсио, Рэйко и Нобуё. В доме, который снимал мой брат, стало тесно, и девочки переехали ко мне. Здесь все время звучат девичьи голоса.

Правда, старшая из моих падчериц, Кадзуэ, вышла замуж. У нее свой дом. Так что со мной остались шестеро: Томоко, Акико, Токико, Юкико, Рэйко и Нобуё.

Кадзуэ родилась в 1904 году под созвездием Козерога, Томоко (Водолей) – в 1910-м, Акико (Скорпион) – в 1911-м, Токико (Овен) – в 1913-м, Юкико (Рак) – тоже в 1913-м. Что касается племянниц, то старшая, Рэйко (Дева), появилась на свет в 1913 году, а Нобуё (Стрелец) – в 1915-м.

Получилось, что в моем доме живут сразу три девушки, которым исполнилось двадцать два года, а всего их шесть. Как по заказу. И у каждой планета благословила какую-то часть тела, начиная с головы и кончая ногами. Нет ни единого повтора. Таких случайностей не бывает. Это предоставленный мне материал. Демон приказывал принести их в жертву. В этом нет никаких сомнений.

Кадзуэ не подходит. Ей уже тридцать один, она гораздо старше остальных, замужем и живет далековато. Токико – Овен – голова,

Юкико – Рак – грудь, Рэйко – Дева – живот, Акико – Скорпион – поясница, Нобуё – Стрелец – бедра, Томоко – Водолей – ноги. Получится синтез этих элементов. Конечно, для поясницы я предпочел бы Весы, а для груди – Близнецов, но, как говорится, чего нет – того нет.

Азот – женщина, поэтому нужна не просто грудь, а женская грудь, и не поясница, а женское лоно. Надо благодарить небо за то, что мне так повезло. Небо или демонов?

Сотворение Азот требует строгого соблюдения всех правил и предписаний алхимии. В противном случае мое создание не сможет обрести вечную жизнь. Шесть дев – это металлы из таблицы химических элементов. Пока неблагородные, и мне предстояло их очистить и превратить в золото. Низкие дождевые тучи развеются, и покажется ясное, синее небо. Божественная картина!

Я дрожал всем телом. Как же мне хотелось ее увидеть! Взглянуть хотя бы одним глазком и умереть! Я хотел выразить живущий во мне образ Азот и отдал отчаянной борьбе с холстом тридцать лет жизни. Какая получится красота, если я сумею запечатлеть ее не кистью, а во плоти! Чего еще может желать в этом мире художник?

Это мечта, которую за всю историю не удалось воплотить ни одному человеку. Произведение абсолютного смысла. Разве могут сравниться с Азот черная месса, философский камень мудрецов-алхимиков и все творения скульпторов, пытавшихся во все времена уловить красоту женского тела?

Что касается девушек – материала для моей работы, – то они должны будут прекратить земное существование. Их тела предстояло расчленить на три части (от Токико и Томоко требовались голова и ноги, поэтому с ними будет достаточно одного разреза), взять то, что нужно, а остальное выбросить. Сохранить их жизни невозможно, зато их тела пройдут очищение и станут частью бессмертного существа. Какие здесь могут быть претензии?

Согласно принципам алхимической науки, полагается начать работу в то время, когда Солнце будет в созвездии Овна.

Токико – ☿ (Овен) – должна пожертвовать головой. Ее лишит жизни ♂(Марс), в алхимии ассоциирующийся с железом.

Юкико – ♋ (Рак), от которой нужна грудь – лишит жизни ☾(Луна), ассоциирующаяся с серебром.

Рэйко – ♍ (Дева) с нужным мне животом – умрет, проглотив ☿(Меркурий), который у астрологов ассоциируется с ртутью.

Обладательница поясицы Акико – ♏ (Скорпион). Сейчас ее планета – ♇(Плутон), но я стараюсь строго следовать традиции Средневековья, когда Плутон еще не открыли. Поэтому надо, чтобы она умерла от Марса.

Нобуё с бедрами – ♐ (Стрелец). Она должна умереть от ♃(Юпитера), ассоциирующегося с оловом.

Томоко с ногами по гороскопу ♋ (Водолей). Ее путеводная планета – ♅(Уран). Но Урана в Средние века еще не знали, и его заменял ♄(Сатурн). Так что Томоко может умереть от Сатурна, я возражать не буду. В алхимии эта планета соответствует свинцу.

Если у меня будут тела шестерых, я должен прежде всего очистить их и самого себя. Для этого требуется смешать вино с пеплом.

Затем предстоит с помощью пилы отделить от тел нужные части и разложить их на деревянном кресте. Потом можно прибить их гвоздями, подобно тому, как к кресту приколотили Христа, но мне не хочется, чтобы на теле были ненужные складки и повреждения. Согласно прорицаниям Гекаты^[4], я заранее вырежу из дерева фигурку Азот, отполирую ее как следует и украшу маленькими ящерицами.

Вслед за этим надо приготовить «тайный огонь». Фонтанус^[5] и многие другие алхимики считали, что речь идет о настоящем огне, и раз за разом повторяли глупые ошибки. «Вода, которой не намочить рук», «огонь без пламени» – эти понятия на самом деле подразумевают определенные соли и благовония.

В полученную смесь добавляются элементы, образующие двенадцать знаков Зодиака: Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева,

Скорпион, Козерог, Рыбы и т. д. Добытые из них плоть и кровь смешиваются с кусочками мяса жабы и ящерицы и ставятся на огонь в золотом тигле – атаноре.

В «Философумене»^[6], автором которой был то ли Ориген, то ли святой Ипполит, я нашел такое заклинание:

О! inferнальный, земной и божественный Бомбо, приди!
Божество, бродящее в ночи, где сходятся все пути.
Враг света, друг и помощник мрака,
Кому по душе песий вой и алая кровь,
Кто крадется среди мертвецов во прахе надгробий,
Жаждущее крови, несущее ужас смертным.
Горго, Мормо, тысячеликая Луна,
Явись, о! всемилостивейшая, к нашему жертвеннику.

Готовую смесь надо вынуть из тигля и плотно закупорить внутри «философского яйца». Причем температура яйца должна поддерживаться на уровне температуры снесшей его курицы. Смесь выдерживается в таком состоянии, пока не превратится в универсальное средство, панацею.

Благодаря этой панацее отдельные шесть частей тела Азот сольются в единое целое, во все ведающее и всемогущее создание, которое наконец обретет вечную жизнь в столпе света. И я стану адептом Азот, постигшим все ее тайны.

Люди по ошибке часто принимают результаты этой *magnit opus* («великой работы») и алхимию за нечто, способное превратить неблагородный металл в золото. Но подобно тому, как астрология явилась прародительницей астрономии, алхимия тоже внесла большой вклад в зарождение химической науки, хотя современные ученые и принижают ее значение. Из-за этого об алхимии сложилось представление как о чем-то неполноценном, вульгарном.

Завоевавшие себе репутацию ученые напоминают человека, отрекшегося от родного отца за то, что тот имеет пристрастие к выпивке.

Истинная цель алхимии лежит куда глубже. Она заключается в том, чтобы в идеальном смысле воплотить подлинную суть вещей, скрывающуюся за обыденностью. Выразить природу таких возвышенных понятий, как «высшая красота» или «высшая любовь». В ходе этого процесса сознание коренным образом меняется, проходит очищение. Сознание, не имеющее никакой ценности в заурядной повседневности, обретает изысканность и утонченность, подобно тому, как свинец превращается в золото. На Востоке такому состоянию души, наверное, соответствует «дзэн». Таким образом, подлинная цель алхимии состоит в самом процессе творения, что также можно назвать стремлением к «вечной завершенности вещей» или «универсальному спасению».

Возможно, кто-то из алхимиков действительно пытался получить золото, но, скорее всего, эти попытки предпринимались в шутку, или же это было просто жульничество.

Многие из тех, кто не познал главного секрета алхимии, пытались отыскать «первый элемент» в подземных выработках, хотя нужные элементы вовсе не обязательно должны представлять собой металлы или минералы. Разве не говорил Парацельс: «Они всюду, ими играют даже дети»? Настоящий первый элемент – это тело женщины. А где еще он может быть?!

Мне лучше кого бы то ни было известно, что люди принимают меня за помешанного. Возможно, я не такой, как все, но ведь так и должно быть с художником. То, что отличает художника от остальных, по большей части и называется талантом. Когда кто-то создает произведение, мало чем отличающееся от того, что было создано ранее, разве можно это назвать искусством? Творить способен лишь мятежный дух.

Я не считаю себя особо кровожадным. Однако на меня как на художника произвела неизгладимое впечатление картина

расчленения человеческого тела. Я никак не могу побороть в себе желания поглядеть на нашу брэнную оболочку в разобранном виде. Еще в молодости вид вывихнутой руки вызывал у меня волнение и сильное желание ее нарисовать. Мне нравится наблюдать, как слабеют мышцы умирающего. Впрочем, наверное, все художники не отличаются в этом друг от друга.

А теперь немного о себе. Я увлекся западной астрологией, был буквально пленен ею, не по собственной воле. Меня с ней познакомил человек, которому покровительствовала моя мать. Тогда в Японии астрологи были большой редкостью. Этот человек предсказал все, что произошло в моей жизни. Потом я стал у него учиться. Он приехал из Голландии и был проповедником. Из-за чрезмерного увлечения астрологией его выгнали из проповедников, и он жил за счет гадания. В те годы он, без сомнения, был единственным астрологом западной школы не только в Токио, но и во всей Японии.

Я родился в Токио 26 января 1886 года, вечером, в семь часов тридцать одну минуту. В тот день Солнце находилось в созвездии Водолея; созвездием, восходившим над горизонтом в час моего рождения, была Дева, а в точке восхождения эклиптики находился Сатурн. Поэтому вся моя жизнь протекает под очень сильным влиянием Сатурна.

Это моя путеводная планета, символ моей жизни. Впоследствии я понял, что интерес к астрологии возник у меня потому, что Сатурн ассоциируется у астрологов с «первым элементом» – свинцом, который должен превратиться в золото. И мне хотелось узнать, как обратить в благородный металл мои способности художника.

Сатурн – планета, обрекающая человека на испытания и требующая от него терпения. Предсказатель предрек, что моя жизнь станет историей преодоления комплекса неполноценности, и, оглядываясь назад, я могу сказать, что так оно и вышло.

Еще астролог сказал, что у меня не всё в порядке со здоровьем, что я с детства страдаю от аллергии, и предупредил, что мне надо

беречься от ожогов. Надо было прислушаться к его словам. В начальных классах со мной случился припадок (из тех, о которых я уже рассказывал), и я серьезно обжег в классе о печку правую ногу. Шрам от ожога виден до сих пор.

Он предсказал мои тайные романы, которые привели к тому, что в один год у меня появились две дочери от разных матерей – Токико и Юкико.

В момент моего рождения Венера располагалась в созвездии Рыб, поэтому меня тянет к женщинам, родившимся под этим знаком, но в конечном итоге судьба свела меня с «львицей». В двадцать восемь лет мне добавилось семейных хлопот. Моя первая жена, Таэ, по гороскопу «рыба». В то время я увлекался Дега и много рисовал балерин. Одной из моих моделей была Масако, нынешняя жена. Я влюбился с первого взгляда, насильно добился ее, и у нас родилась девочка, хотя Масако была замужем. Девочку назвали Юкико. Примерно в то же время ребенка родила и Таэ. Потом я с ней развелся, отдав предпочтение «львице» Масако. Надо же было такому случиться в двадцать восемь лет!

Сейчас Таэ держит табачную лавку в Хоя^[Z], в доме, который я ей купил. Нашу дочь Токико я взял к себе, она изредка навещает мать. Вопреки моим опасениям, она замечательно поладила с жившими у меня другими девчонками. Я все время думаю, что поступил с Таэ непорядочно. Хотя после нашего развода прошло уже двадцать лет, чувство вины перед ней не проходит. Если в будущем Азот принесет мне состояние, я готов отдать Таэ все деньги.

Гороскоп, составленный астрологом, предсказывал, что в частной жизни я буду скрытен и склонен к одиночеству, что меня ждет жизнь в изоляции от людей – в больнице или каком-нибудь специальном заведении. Мне предстоит жить в замкнутом мире иллюзий. Все это сбылось на сто процентов. Я редко вижу семью – она живет в главном доме, в основном провожу время в мастерской, под которую переоборудовали старый амбар, притулившийся в дальнем углу сада.

Есть еще одно, самое главное, что угадал астролог, заглянув в мое будущее. В моем гороскопе Нептун и Плутон объединены в девятом доме. Это указывает на трансцендентное существование в мире сверхъестественного, наличие внутреннего откровения и мистической силы. В гороскопе отмечалась склонность к восприятию ересей, интерес к магии и оккультизму. Такое редкое расположение планет знаменовало, что меня ожидают бессмысленные скитания на чужбине, которые в корне изменят мой характер и условия жизни. Судя по движению Луны, я должен был покинуть Японию лет в девятнадцать-двадцать.

Уже сам факт присутствия Нептуна и Плутона в моем гороскопе – вещь довольно оригинальная. Но еще больше усиливает влияние этих планет то, что я родился, когда они обе располагались в девятом доме. Вторая половина моей жизни проходила под знаком этих несчастливых планет. В девятнадцать лет я уехал в Европу и скитался по разным странам, главным образом по Франции. Такая жизнь и привела меня к мистицизму.

В молодости я абсолютно не верил в западную астрологию. Она вызывала у меня естественное отторжение. На подсознательном уровне я пытался действовать вопреки предсказаниям астролога, но все напрасно.

Игрушкой судьбы стал не только я, но вся моя семья, все люди, со мной как-то связанные. Пример тому – окружающие меня женщины. По неведомым причинам они оказались несчастливы в семейной жизни.

С первой женой я развелся. Сейчас женат на второй – Масако. До меня у нее тоже был муж. И она скоро овдовеет, потому что я решил свести счеты с жизнью.

Брак распался и у моих родителей. У бабушки вроде бы тоже. Недавно рассталась с мужем и Кадзуэ, старшая из дочерей Масако.

Томоко уже двадцать шесть, Акико – двадцать четыре. Дом у нас большой, с матерью они прекрасно ладят и выходить замуж, похоже, не собираются. Время сейчас беспокойное, того и гляди начнется

война с Китаем, можно без мужа остаться... Уж лучше так, чем быть вдовами, а заняться есть чем – и фортепиано, и балет. Да и Масако военных не любит.

Не хотят замуж – не надо, но мне совершенно не нравится, что Масако вместе с дочками начала проявлять интерес к финансам. Стали наседали на меня: что это столько земли просто так пропадает (у нас участок 600 цубо^[8]), давай на ней построим дом и пустим жильцов.

Я сказал Масако, что они могут распоряжаться имуществом как хотят после моей смерти. Мой младший брат Ёсио снимает дом неподалеку от нас и, конечно, ничего против иметь не будет. По закону ему тоже достанется часть наследства.

Если подумать, то у Ёсио есть все основания чувствовать себя обделенным. Ведь я как старший сын получил все права на наш семейный участок. Конечно, я не стал бы возражать, если б Ёсио с женой переехали к нам – дом просторный, места хватит всем, – однако пока они жилье арендуют. То ли Аяко, жена брата, стесняется, то ли они с Масако не могут найти общий язык.

Короче говоря, все в семье хотят построить на свободном месте дом этажа в три, на несколько квартир. Только я один против. Представляю, как они меня клянут. Думая об этом, я с теплотой вспоминаю Таэ. У нее, конечно, нет особых достоинств, разве что кротость, интересов никаких, но она не стала бы так отравлять жизнь, как Масако.

Почему я категорически против дома? Тому есть причины. Я очень люблю свою мастерскую, которую построил в саду на северо-западной стороне. Сад достался мне в наследство от родителей и находится в Охара, в районе Мэгуро. Окна мастерской выходят прямо в сад, где много зелени, что способствует хорошему настроению. А если здесь построят дом, в мастерскую вместо деревьев будет заглядывать много любопытных глаз. Кто не захочет попялиться на чудака, репутация которого закрепилась за мной? Для

творчества такое докучливое внимание – самый большой враг. Поэтому я ни за что не соглашусь на это строительство.

В детстве я часто играл в амбаре, стоявшем на месте мастерской. Мне нравился царивший там полумрак. С малых лет я хорошо себя чувствую в закрытых пространствах, мне некомфортно за их пределами. Однако в мастерской не должно быть темно, поэтому я устроил в потолке два больших окна, чтобы дать доступ дневному свету. А чтобы никто ко мне не вломился, поставил прочные металлические решетки.

Решетки я приспособил и на остальные окна, устроил в мастерской туалет, умывальник. Амбар был двухэтажный; рабочие разобрали перекрытия, и получилось типа бунгало с высоким потолком.

Мастерские художников обычно так и устроены. Много воздуха в помещении, высокие потолки дают чувство свободы, вдохновляют творческие порывы. Когда работаешь над большой картиной, низкий потолок – делу не помощник. Конечно, работать можно и под низким потолком, но, бывает, нужно отойти подальше, чтобы взглянуть на свою работу со стороны. Так что лучше иметь помещение попросторнее.

Я очень люблю свою мастерскую. Поставил там железную кровать из военного госпиталя, решил там ночевать. Удобно, что кровать на колесиках – можно свободно передвигать ее куда захочу.

Мне нравятся высокие окна. Осенью, когда день переваливает за половину, солнце расцвечивает пол мастерской световыми пятнами, исчерченными полосками теней от оконных решеток. Падающие на оконное стекло сухие листья кажутся нотами, разбросанными по нотной тетради.

Я люблю смотреть на прорубленное высоко в стене окно; раньше оно было на втором этаже. При этом непроизвольно напеваю себе под нос любимые мелодии – «Остров Капри» или «Орхидею в лунном свете».

На первом этаже окна, выходящие на север и запад, упирались прямо в забор, поэтому я их закрасил, оставив то, что смотрит на южную сторону. Стена с покрашенными окнами стала казаться еще шире. Амбар построили, когда я был совсем маленьким; стены, сложенной из блоков вулканической пемзы, тогда еще не было. С восточной стороны мастерской находится входная дверь и пристройка с туалетом.

Вдоль стены с покрашенными окнами стоят одиннадцать картин, в которые я вложил всю душу. Все они относятся к циклу «Знаки Зодиака». Пока их одиннадцать, скоро должно быть готово двенадцатое полотно.

Сейчас я как раз работаю над Овном. Это труд всей моей жизни; как только я его закончу, тут же приступлю к созданию Азот. Увидев свое творение законченным, запечатлев в глазах его образ, я могу покинуть этот мир.

А теперь немного о моих странствиях по Европе. Во Франции я познакомился с одной японкой. Ее звали Ясуэ Томигути.

Впервые я ступил на мощенные камнем мостовые Парижа в 1906 году. Я был молод и неутомим. Сейчас, наверное, все изменилось, но в то время у человека, приехавшего из Азии и едва говорившего по-французски, почти не было шансов встретить на парижских улицах соотечественника. От этого становилось тоскливо и одиноко. Бродя вечерами под ясным, подсвеченным луной небом Парижа, я ощущал себя единственным человеком на Земле.

Но постепенно я стал лучше говорить по-французски и привык к тому, что меня окружало. Было уже не так одиноко. А прогулки по Латинскому кварталу доставляли удовольствие.

Осень в Париже – замечательная пора. Мне нравилось, как шуршат под ногами опавшие листья, цвет которых прекрасно сочетался с серым гранитом мостовых.

В это время я открыл для себя Гюстава Моро. Помню металлическую табличку с номером «14» на доме на улице Ларошфуко^[9]. С тех пор Моро и Ван Гог стали моей духовной пищей.

Однажды осенним вечером, прогуливаясь по своему обычному маршруту, возле фонтана Медичи я повстречал Ясуэ Томигути. Погруженная в свои мысли, девушка стояла у фонтана, опершись о металлические перила. Росшие поблизости деревья уже потеряли всю листву и тянули острые ветви, напоминавшие кровеносные сосуды старика, к свинцово-белесому небу. В тот день как-то сразу похолодало, и было видно, что она, иностранка, чувствует себя в чужой стране очень неуютно.

Увидев девушку, которая могла оказаться моей соотечественницей, я шагнул к ней. Судя по робкому виду, японка. А может, из Китая?

Я уловил симпатию во взгляде девушки и обратился к ней на французском: «Похоже, зима началась». В Японии не принято так заговаривать с незнакомыми людьми, но когда говоришь на чужом языке, это придает смелости. Однако мой прием не сработал. Девушка с подавленным видом покачала головой и отвернулась, явно намереваясь уйти. Тогда я окликнул ее по-японски: «Кими ва Нихондзин дэс ка?»^[10] Она обернулась, на лице ее рисовалось облегчение. Мы поняли, что полюбили друг друга с первого взгляда.

С наступлением зимы у фонтана собирались торговцы каштанами. То там, то тут слышались их призывные голоса: “*Chaud, chaud, marrons chauds!*”^[11] Мы стали встречаться каждый день, два одиночества, заброшенные на чужбину, объедались каштанами.

Мы с Ясуэ родились в один год. Мой день рождения – в январе, ее – в конце ноября, то есть я почти на год старше. Она была из состоятельной семьи и приехала учиться живописи. Семья могла позволить себе ее причуды.

Мы вернулись в Японию вместе, когда мне исполнилось двадцать два года, а Ясуэ – двадцать один. Спустя несколько лет в Европе разразилась большая война – Первая мировая.

Мы продолжали встречаться в Токио, и я уже собирался сделать ей предложение, но здесь все пошло совсем не так, как в Париже, где мы были предоставлены сами себе. Ясуэ закружилась в компании

друзей и знакомых. Угнаться за ней я не мог, и мы расстались, на какое-то время потеряли друг друга из вида. Потом до меня дошли слухи, что она вышла замуж.

В двадцать шесть я женился на Таэ. Она работала в магазине кимоно рядом с муниципальным колледжем (сейчас там Токийский муниципальный университет). Меня с ней в полушутку-полусерьез познакомил Ёсио. О серьезных отношениях я не думал, но как раз в тот год у меня умерла мать, мне было очень тяжело, и я решил жениться. Все равно на ком. К тому времени я уже получил наследство – родительский дом и землю – и был выгодной партией для Таэ.

По иронии судьбы не прошло и пары месяцев после нашей женитьбы, как я вдруг столкнулся на Гиндзе с Ясуэ. Она вела за руку ребенка. Ясуэ рассказала, что разошлась с мужем и держит на Гиндзе кафе-галерею. «Догадайся, как я ее назвала? Помнишь наше место?» – «Медичи?» – догадался я. – «Точно».

Я передал в галерею Ясуэ все свои картины, однако их почти не покупали. По ее совету мы устроили несколько моих выставок. То ли я оказался второсортным художником, то ли сказалось отсутствие регалий, к которым я не особенно стремился, но усилия наши результата не приносили. И еще я никак не мог толком написать свое резюме. Ясуэ навещала меня в мастерской, я писал там ее портреты и неизменно выставлял их в «Медичи».

Ясуэ родилась 27 ноября 1886 года под знаком Стрельца, ее сын – в 1909 году под знаком Тельца. При случае Ясуэ не упускала возможности намекнуть, что Хэйтаро – мой сын. Говорила вроде в шутку, хотя такое вполне могло быть – цифры сходились. Во всяком случае, первый иероглиф в имени мальчика – «хэй» – взят из моего имени. Если он в самом деле мой сын – это судьба.

В живописи я консерватор. Ставшие модными в последнее время Пикассо, Миро и прочие авангардисты мне не интересны. Мою душу питают только Ван Гог и Гюстав Моро.

Я вообще человек старомодный, но мне нравится искусство, в котором можно сразу почувствовать силу. Если в картине нет энергии, это не картина, а кусок холста, измазанный красками. В такой трактовке я могу понять и абстрактное искусство. Мне нравятся некоторые работы Пикассо или Фукаку Сумиэ^[12], отпечатывавшего на холсте человеческие тела.

Тем не менее я считаю, что без техники в искусстве делать нечего. Можно, конечно, бросать комья грязи в кирпичную стену, но гарантий, что получится лучше, чем у ребенка, нет никаких. У меня куда больше эмоций вызывают следы автомобильных шин, оставшиеся после аварии на дороге, чем творения какого-нибудь заурядного авангардиста. След от выброса мощной энергии, застывший на мостовой, пятна алой крови, будто просочившейся сквозь камень. Начертанные мелом белые тонкие линии, выглядящие совершенно неуместными на этом фоне. Здесь присутствуют все условия, необходимые для художественного произведения. Вот что после Ван Гога и Моро способно меня взволновать.

Все это так. Но, называя себя консерватором, я имел в виду другое. Вместе с живописью я люблю и скульптуру, но мне больше нравятся куклы, чем творения современных ваятелей. Какая-нибудь штукovina из проволоки, изображающая человека, годится только в металлолом. В общем, любой перекося в сторону авангарда вызывает у меня отторжение.

В молодости я встретил совершенно очаровательную женщину. Она стояла в витрине магазина одежды, находившегося недалеко от муниципального колледжа. Это была не настоящая женщина, а манекен. Я влюбился в нее по уши, каждый день приходил туда и долго глазел на нее. Когда по каким-то делам мне надо было в район привокзальной площади, я непременно норовил пройти мимо этого магазина – бывало, по пять-шесть раз за день, даже если приходилось делать большой крюк. Так продолжалось больше года.

За это время я успел познакомиться со всем ее гардеробом – летними нарядами, зимними пальто, весенними платьями.

Мне очень хотелось заполучить манекен, но тогда я был еще почти ребенок, страшно всего стеснялся и так и не решился заглянуть в магазин. Да и денег у меня не было.

Я редко заходил в питейные заведения – мне не нравился стоявший там столбом табачный дым и громкие пьяные голоса, – но, несмотря на это, стал заглядывать в пивную под вывеской «Хурма». Объяснить это просто – в «Хурму» заходил владелец мастерской, клиентом которой числился тот самый магазин с очаровавшей меня девушкой-манекеном.

Выпивка развязала мне язык, и я заговорил с этим человеком. Наше знакомство привело к тому, что он показал мне свою мастерскую. Токиэ (так я окрестил девушку в витрине) там, конечно, не оказалось, и среди готовых манекенов не нашлось ни одного, в ком содержалась хотя бы сотая часть ее очарования. Трудно объяснить словами, но была какая-то неуловимая разница между куклами из мастерской и Токиэ – то ли в чертах лица, то ли в фигуре. Тем не менее разница была очевидна. Разница качественная, все равно что между перстнем с жемчужиной и колечком из проволоки.

Итак, я стал называть ее про себя Токиэ – так звали популярную тогда актрису, а моя кукла была на нее немного похожа. Я влюбился без памяти. Лицо Токиэ все время стояло у меня перед глазами, и во сне, и наяву. Я посвящал ей стихи, начал писать по памяти ее портрет. Если подумать, не с этого ли я начался как художник?

По соседству с магазином стояла лавка, торговавшая шелком. К ней подъезжала повозка, и начиналась разгрузка. Делая вид, что наблюдаю за ней, я все время косился на Токиэ. Точка была очень удобная. Тонкие черты лица, жесткие на вид каштановые волосы, изящные хрупкие пальцы, стройная линия открытых от колен ног. С тех пор уже минуло тридцать лет, но я и сегодня живо помню лицо и фигуру Токиэ.

Как-то я увидел ее обнаженной. Стоявший в витрине за стеклом человек менял на ней одежду. Пережитый при виде этого зрелища шок я никогда больше не испытывал. Колени мои дрожали, я едва держался на ногах. Тогда вид женских половых органов, волос на лобке надолго потерял для меня интерес и привлекательность.

Жизнь бесчисленное количество раз предоставляла мне возможность убедиться в том, какой глубокий след оставила в ней Токиэ, как много она во мне исковеркала. Я стал отдавать предпочтение женщинам с жесткими волосами. Меня также притягивали женщины глухонемые. И еще такие... как бы это сказать... когда можешь представить, как они замирают, как бы превращаются в растение.

Я лучше всех понимал, что подобное мировосприятие никак не стыкуется с моими художественными взглядами, о которых я уже говорил. Меня часто посещают странные мысли. Ярким проявлением моей эксцентричности является отношение к живописи: как одновременно с Ван Гогом и Моро могут нравиться художники совершенно другого направления? Не попадись Токиэ тогда мне на глаза, возможно, я смог бы выработать настоящий художественный вкус.

Таэ, моя первая жена, как раз и оказалась женщиной-растением, женщиной-куклой. Однако вторая моя натура, художника внутренней страсти, подсознательно требовала другой тип женщины – Масако.

Токиэ – моя первая любовь. 21 марта – я никогда не забуду этот день – она исчезла из витрины. Пришла весна. Кое-где уже распускалась сакура.

Потрясение, которое я пережил, не описать словами. Я чувствовал себя совершенно опустошенным, раздавленным и решил уехать в Европу. Почему в Европу? В Токиэ чувствовалась атмосфера французского фильма, который я тогда посмотрел, и мне пришла в голову фантазия: а вдруг я повстречаю во Франции женщину, похожую на Токиэ?

Спустя несколько лет, когда у меня родилась дочь, я дал ей имя Токико. Так вышло само собой, ведь она родилась 21 марта, в тот день, когда Токиэ убрали из витрины магазина. Я видел в этом загадочный знак судьбы.

У меня почти не было сомнений, что Токиэ тоже появилась на свет под знаком Овна. И я поверил: хоть мне и не удалось в свое время завоевать Токиэ, которую отгородили от меня стеклянной витриной, она все равно стала моей, приняв облик Токико. И я знал, что чем взрослее будет становиться дочь, тем больше она будет похожа на предмет моего обожания.

Вот только здоровье у нее подкачало...

Дойдя до этого места, я впервые почувствовал испуг. Токико – моя любимица, и мне хотелось, чтобы совершенным было не только ее лицо, но и тело. Эта мысль подсознательно одолевала меня.

Я действительно очень люблю Токико. Рожденные под знаком Овна отличаются живым нравом, но день рождения Токико пришелся между Марсом и Нептуном, которые соответственно являются планетами Овна и Рыб. А такие люди склонны к маниакально-депрессивным психозам. Когда на Токико накатывает депрессия, я думаю о ее слабом сердце, и душа сжимается от любви. И надо признаться, что в моем отношении к дочери есть нечто большее, чем просто отцовское чувство.

Дочери иногда позировали мне полуобнаженными. Я рисовал всех, кроме старшей, Кадзуэ, и дочек брата, Рэйко и Нобуё. Токико довольно худенькая, на правом боку у нее маленькая родинка. Глядя на нее, я думал: «Как было бы замечательно, если б она имела такое же идеальное тело, как лицо».

Нет, я не считал Токико тщедушной. Мне кажется, на Томоко, Рэйко и Нобуё, хотя дочерей брата раздетыми я не видел, мяса еще меньше. Но именно Токико в моем представлении должна была стать идеальной женщиной.

У меня две родные дочери – Токико и Юкико, так что в моем желании вряд ли можно усмотреть что-то противоестественное.

Мне неинтересно человеческое тело, отлитое в металле, но есть одно исключение. Несколько лет назад я снова побывал в Европе. Лувр не произвел на меня большого впечатления, и я отправился в Амстердам посмотреть выставку не известного публике скульптора Андре Мийо. Именно его, а не Ренуара, Пикассо, не говоря уже о Родене. Выставка буквально раздавила меня, после нее я целый год не мог взяться за кисть.

Творения Мийо можно назвать искусством смерти. Они были выставлены в заброшенном аквариуме.

На телеграфном столбе висел труп мужчины, на обочине валялись две мертвые женщины – мать и дочь. Они уже начали разлагаться, и в помещении стояла страшная вонь. (Конечно, трупы были не настоящие, но до меня это дошло только год спустя.)

Лица мертвецов были искажены ужасом, мышцы напряжены под воздействием мощной энергии агонии. Позы полных отвердевшей силы тел, застывших, будто замороженных, были переданы с тщательнейшей реалистичностью.

Объемность открывшейся передо мной картины, мягкость и гибкость линий заставили меня забыть о том, что тела выполнены из металла и в одном цвете.

Самой сильной работой в экспозиции была сцена утопления. Человека со скованными за спиной руками, обхватив за шею, топил в воде другой человек. Из рта захлебывавшейся жертвы шли пузыри, тонкой цепочкой поднимавшиеся к поверхности. Действие происходило внутри ярко освещенного на фоне темного зала стеклянного бака и напоминало кадр из кинетоскопа.

Сцена выглядела абсолютно реальной. Она до сих пор стоит у меня перед глазами.

От увиденного я словно впал в ступор, из которого не мог выйти целый год. Я осознал, что мне с моими поверхностными работами никогда не достичь мастерства, с которым я познакомился в Амстердаме. И тогда я решил сотворить Азот. Только такое творение способно превзойти уровень Мийо.

Нужно беречься собак. Зал искусства смерти, который я посетил, был наполнен криками и воплями. Человеческое ухо не в состоянии уловить звук, частота которого превышает двадцать тысяч циклов в секунду^[13]. Там, в амстердамском аквариуме, йоркширский терьер, которого несла на руках шедшая передо мной женщина, поводя ушами, определенно слышал вопли, еще не ставшие звуками, и полные смертельной тоски пронзительные голоса частотой тридцать тысяч циклов.

Место, где будет создаваться Азот, следовало определить путем точных математических расчетов.

В принципе, этим местом могла быть моя мастерская, но если одновременно исчезнут сразу шесть девушек и начнется следствие, мастерская попадет под подозрение. Даже если б туда не полезла полиция, запросто могла зайти Масако. Для такого дела требовался другой дом. Место сотворения Азот. И я купил дом. В деревне, по сходной цене. Но поскольку после завершения работы и моей смерти эти записки могут оказаться в чужих руках, точное место я называть не буду. Достаточно сказать, что это префектура Ниигата.

Мои записки – что-то вроде приложения к Азот. Вместе с ней я должен оставить их в центре Японской империи. Они – часть Азот и сами по себе ничего не представляют. Части тел шести девушек, оставшиеся после того, как работа над Азот будет завершена, надо будет развезти по местам, связанным с созвездиями, под которыми девушки родились. Идеальными являются районы, где добываются руды металлов, имеющих отношение к этим созвездиям. То есть, например, территория, где добывают железо, принадлежит Тельцу и Скорпиону, золото – Льву, серебро – Раку, олово – Стрельцу и Рыбам.

Соответственно останки Токико надо доставить в место добычи железа, относящееся к Тельцу, Юкико – туда, где добывают серебряную руду (Рак), Рэйко – ртуть (Дева), Акико – железо (Скорпион), Нобуё – олово (Стрелец) и Томоко – свинец (Водолей). Как только все останки возвратятся по принадлежности, невиданный

труд – создание Азот – будет окончательно завершено, и Азот обретет возможность в полной мере использовать заложенную в нее необыкновенную силу. Я должен целиком отдаться этой работе. Довести свою *magnum opus* до финала.

Для чего я решил создать Азот? Это не моя личная прихоть, рожденная увлечением европейской живописью. Разумеется, для меня Азот – вершина эстетического восприятия, самое заветное из всех моих желаний, моя система измерений. Однако я должен создать ее не для себя, а для будущего великой Японской империи. Наша страна творит историю, двигаясь по ошибочному пути. Наша историческая хронология испещрена искусственными морщинами. Сейчас Япония переживает невиданную деформацию. Приходит время оплачивать счета за промахи, которые совершались на протяжении двух тысячелетий. Один неверный шаг – и великая Японская империя может исчезнуть с лица земли. Кризис, в котором оказалась гибнущая страна, углубляется на глазах. И спасение ей принесет Азот.

Конечно, для меня она – воплощение прекрасного, моя богиня, мой демон. Символ магических практик, магический кристалл.

Если мысленно оглянуться на нашу двухтысячелетнюю историю, можно легко обнаружить персонаж, напоминающий Азот. Разумеется, это Химико^[14].

По европейской астрологии Японская империя принадлежит к созвездию Весы. Исходя из этого, японцы должны быть народом веселым и общительным, любящим праздники. Однако в результате господства корейцев и распространения конфуцианства, пришедшего в Японию из Китая, японский национальный характер изменился – люди стали очень сдержанными и в каком-то смысле лишились чувства радости бытия.

Потом Япония приняла буддизм, но не в его исконном виде, а в китайском варианте. Я считаю, что и иероглифическую письменность не надо было брать из Китая. Не стану распространяться на данную тему, это займет слишком много времени. Скажу лишь, что Японской

империи следует вернуться к временам Яматай, когда управляла женщина-государь.

Япония – страна божеств. Подтверждение тому – род Мононобэ. А потом японцы отказались от древности, уважавшей и ценившей старинные обряды и молитвы, поддались на льстивые уговоры Сога^[15], увлекшихся иностранщиной, и стали почитать лишенное глубины буддийское учение. И расплата наступила, что наглядно демонстрирует дальнейший ход японской истории. А ведь Япония – страна, которой управляли богини.

Что касается национального характера, то у Японии очень много общего с великой Британской империей. Кодекс бусидо ближе всего по духу к традициям британского рыцарства.

Теперь, в отсутствие Химико, к спасению Японскую империю поведет Азот. Она должна стать в самом центре страны. А где он находится? Сейчас наше стандартное время определяется по меридиану, проходящему через город Акаси на 135° восточной долготы. Можно считать этот меридиан центральной линией, пересекающей Японию с севера на юг. Но это полная глупость. Настоящий центр Японской империи находится на $138^\circ 48'$ восточной долготы.

Японский архипелаг напоминает очертаниями красиво изогнутый лук. Его края определить очень трудно. На северо-востоке он, очевидно, оканчивается островами Тисима^[16], граничащими с Камчаткой. Южной оконечностью принято считать остров Иводзима из группы островов Огасавара. И хотя остров Хатэрума из относящегося к Окинаве архипелага Сакисима расположен на более южной широте, Иводзима имеет более важное значение. Этот остров – наконечник стрелы, положенной в лук.

Японской империи покровительствуют Весы, в которых правит Венера, поэтому страну отличает подлинная красота. На карте мира не найти столь же красивой цепочки островов. Она напоминает мне стройную женскую фигуру.

Стрела, положенная на тетиву лука, – это протянувшийся к Тихому океану вулканический пояс Фудзи, а на конце стрелы сверкает драгоценный наконечник – Иводзима. Когда-нибудь японский народ поймет, какое большое значение для империи имеет этот остров.

Однажды эта стрела была выпущена. Миновав слева Австралию и далее мыс Горн, оставив в стороне Южный полюс, она попала в Бразилию, где живет больше всего иммигрантов из Японии. Дальше ее полет проходил бы над британскими владениями и азиатским материком, пока она не вернулась бы домой.

Я могу указать крайнюю северо-восточную точку Японского архипелага. Большая часть островов Тисима должна принадлежать Японии. Многие считают, что Парамушир и Онекотан тоже, но я думаю, что их близость к Камчатке и большие размеры являются достаточным основанием для того, чтобы отнести эти острова к континенту. Территорией Японии следует считать небольшие острова, начиная с Харимкотана, тянущиеся дальше на юг. Возможно, было бы справедливо разделить Тисима по линии, пролегающей между островами Расшуа и Кетой, но раз архипелаг с давних пор носит это название, большая его часть должна относиться к Японским островам. В противном случае нарушится равновесие с южными островами Окинава. Крошечные клочки суши, разбросанные далеко на севере и юге, напоминают кисточки, с двух концов украшающие плечи огромного лука. Этот лук – Японские острова – будто свешивается с расположенного рядом необъятного континента.

Координаты крайней восточной точки Харимкотана – $154^{\circ}36'$ восточной долготы, северной точки – $49^{\circ}11'$ северной широты.

Теперь двинемся на юго-западную оконечность. Крайний запад Японии – остров Ёнагуни. Самая западная точка находится на 123° восточной долготы.

Крайней южной точкой Японской империи, как я уже писал, считается остров Иводзима, однако это не точно. К юго-востоку от Ёнагуни лежит остров Хатэрума. Его южная оконечность

расположена на 24°3' северной широты, а крайняя точка Иводзимы на 24°43'.

Итак, линия, соединяющая крайнюю точку Харимкотана на востоке и Ёнагуни на западе, пролегает по 138°48' восточной долготы. Это центральная ось Японской империи, которая проходит через оконечность полуострова Идзу и почти пополам рассекает равнину Ниигата.

Эта линия проходит также по горе Фудзи (138°44' восточной долготы). Она имеет чрезвычайно большое значение для Японской империи и ее истории. Играя важную роль в прошлом, она будет играть ее и в будущем. Я наделен кое-каким даром предвидения, поэтому знаю, что говорю. Знаю наверняка.

Этот меридиан полон особого смысла. На его крайней северной точке находится гора Яхико, на которой воздвигнут синтоистский храм. Центр магической силы. Там должен находиться священный камень. Яхико, если можно так выразиться, – пуп Японии. С этим местом не считаться нельзя. От него зависит судьба страны. Гора Яхико – единственное место, где я хочу побывать до того, как покину этот мир. Обязательно поеду туда! Если не удастся и я умру раньше, пусть там побывают мои потомки. Я чувствую силу, которую несет в себе этот меридиан и особенно гора Яхико. Эта мистическая сила зовет меня.

На этой линии, рассекающей Японию пополам с юга, – цифры 4, 6 и 3. Если их сложить, получится число 13, любимое число дьявола. Место Азот – в самом центре 13...

Акт I

Сорок лет в поисках решения

Сцена 1

Следы на снегу

– Ну и что все это значит?

Захлопнув книжку, Митараи швырнул ее мне и вытянулся на диване.

– Прочитал?

– Угу. Часть с записками Хэйкити Умэдзавы.

– Ну и как тебе? – живо поинтересовался я.

Митараи, находившийся в минорном настроении, только промышчал в ответ, но через некоторое время все же выдавил из себя:

– Будто меня заставили читать телефонную книгу.

– А про его астрологию что скажешь? Много ошибок?

Митараи хорошо разбирался в астрологии, и мой вопрос польстил ему.

– Многовато вольных трактовок. Физические особенности человека зависят не столько от положения солнца в час его рождения, сколько от того, какое созвездие восходило в это время над горизонтом. Судить об этом только по солнцу – это малость того... Хотя в остальном все по большей части точно. Видно, человек понимал, что к чему.

– А про алхимию что думаешь?

– В этом он абсолютно не разобрался. Типичная ошибка старшего поколения. Вот тебе пример. В Японию завезли из Америки бейсбол, и люди здесь стали думать, что эта игра воплощает американский дух, является средством духовного совершенствования. Игроки дошли до того, что были готовы сделать себе харакири, если у них не получался удар. Мне кажется, Умэдзава все-таки на ступень выше людей, считающих, что суть алхимии – в превращении свинца в золото.

* * *

Меня зовут Кадзуми Исиока. Я – страстный любитель разных тайн и загадок. Они всегда интересовали меня, превратились в своеобразный наркотик. Стоило мне хотя бы на неделю остаться без чтения каких-нибудь загадочных историй, как у меня начиналась настоящая ломка. словно сомнамбула, я направлялся в книжную лавку и начинал рыться на полках, пока не наткнулся на какую-нибудь книжку, на обложке которой красовалось слово «тайна».

Я прочитал почти все, что можно было найти в жанре детектива и непознанного, в том числе загадки эпохи Яматай и историю о грабителях, похитивших триста миллионов иен и избежавших тюрьмы. Изысканностью мои литературные вкусы не отличались.

Среди множества прочитанных мной историй ни одна не может сравниться по притягательной силе с «убийствами по Зодиаку», которые были совершены в 1936 году, как раз во время неудавшегося военного путча 26 февраля.

У нас с Митараи было несколько не очень серьезных дел, которые начинались с пустяков, но дело, о котором пойдет речь дальше, стало на их фоне самым выдающимся, загадочным и странным. Оно приобрело совершенно невероятные масштабы и упорно не поддавалось разгадке.

Это громкое дело, без преувеличения, всколыхнуло всю Японию. Сорок с лишним лет множество интеллектуалов, соревнуясь друг с другом, ломали над ним голову, но оно и сейчас, в 1979 году, остается нераскрытым.

У меня коэффициент интеллекта, прямо скажем, не самый низкий. Я тоже попробовал было взяться за это дело, но и мне оно оказалось не по зубам.

Оставленные Хэйкити Умэдзавой записки, с которыми читатель уже ознакомился, и документы следствия, обработанные в стиле нон-фикшн, были объединены под обложкой книги «Семейство

Умэдзава и убийства по Зодиаку». Она вышла вскоре после моего рождения и сразу стала бестселлером. По всей Японии объявились сотни доморощенных шерлоков холмсов и начались споры. Вокруг этого дела возник настоящий бум.

Запутанное дело, да еще с непойманным преступником, не могло не вызывать интереса, но еще больше людей привлекало то, что это неслыханное по жестокости преступление символизировало мрачные времена, переживаемые Японией накануне начала войны на Тихом океане.

Самое ужасное и загадочное во всем этом то, что шесть девушек были убиты точно так, как описал Умэдзава, и их останки обнаружили в разных районах страны. У каждой отсутствовала какая-то часть тела, и с ними были захоронены предметы из металлов, соответствующих созвездиям Зодиака.

Знаменательный факт: девушки, как посчитало следствие, погибли, когда Хэйкити Умэдзава уже был мертв. У всех остальных лиц, относившихся к числу подозреваемых, оказалось алиби. Причем алиби стопроцентное, никто не пытался придумать себе «отмазку». Таким образом, ни одно из лиц, фигурировавших в записках Умэдзавы, физически не могло совершить это безумное деяние. Получалось, что, за исключением Умэдзавы, больше ни у кого не было ни мотивов, ни возможности для совершения убийств.

В результате возобладало мнение, что убийцей стал кто-то посторонний, не член семьи Умэдзавы. Появилось множество теорий насчет того, кто это мог быть, и одно время дебаты приобрели такой бурный характер, что, казалось, миру пришел конец. Учили всё, рассмотрели все варианты, и добавить к ним было нечего.

Впрочем, всерьез люди воспринимали это дело где-то до середины 70-х, а потом споры вокруг него выродились в состязание авторов самых разных версий, одна мрачнее другой. Каждый старался придумать что-нибудь пострашнее, завернуть покруче. В последнее время одна за другой появляются книги на эту тему.

Причина ясна – их покупают. Этот «книжный бум» напоминает мне охватившую в свое время Америку золотую лихорадку.

Из наиболее эпохальных «теорий» в первую очередь следует упомянуть версии о причастности шефа Главного полицейского управления и самого премьер-министра. Но это еще ничего. Есть версии еще смелее: например, о нацистах, похитивших девушек на опыты, или даже о пробравшихся тогда в Японию людоедах из Новой Гвинеи.

Откуда-то появились люди, сразу принявшие версию о каннибализме и утверждавшие, что собственными глазами видели танцевавших на улицах Асакуса^[17] людоедов, которые чуть было их не съели. Дошло до того, что в одном журнале напечатали беседу этих «очевидцев» с кулинарными экспертами на тему: что можно приготовить из человеческого мяса.

Но первое место все-таки остается за новоявленной версией об инопланетянах, авторы которой ловко воспользовались моментом, – на 1979 год как раз пришелся пик продаж научно-фантастической литературы, чему способствовал бум голливудских фильмов. Через некоторое время искусственный ажиотаж поднялся вновь вместе с модой на раскрученную Голливудом оккультную тему.

Однако у версии «постороннего убийцы» есть один серьезный изъян. Как этот человек смог ознакомиться с записками Хэйкити Умэдзавы и какая у него была необходимость действовать точно по содержащемуся в них сценарию?

Мое предположение таково: кто-то каким-то образом обнаружил эти записки и использовал их для прикрытия своего преступления. То есть некто мог увлечься одной из шести убитых девушек, но она им пренебрегла, и тогда он задумал ее убить. При этом преступник решил запутать следствие и для этого убил всех шестерых, как написано у Умэдзавы.

Но и эта версия при ближайшем рассмотрении рассыпается. Во-первых, полиция, расследуя убийства, пришла к заключению, что мать очень строго следила за дочерьми, и романов у них ни с кем не

было. Сейчас такое трудно представить, но в 30-е годы родительский контроль был в порядке вещей.

Однако даже если одна из девушек с кем-то встречалась, как преступник решился убить еще пятерых и развозить трупы по всей Японии? Конечно, все можно было сделать быстрее и проще.

Еще вопрос: как этот человек получил доступ к запискам Хэйкити?

Вот по каким причинам мне пришлось отказаться от данной версии. Сразу после окончания войны общественное мнение сошлось на том (с этим согласилась и полиция), что убийства девушек из семьи Умэдзава – дело рук военных спецслужб. Благо что до войны в Японии нередко случались похожие, пусть и не столь запоминающиеся, происшествия, но о них, как и о разных тайных планах и операциях, народу не сообщали.

Военные расправились с девушками из-за Кадзуэ, старшей дочери Масако. Приятель ее мужа, похоже, оказался китайцем, и Кадзуэ заподозрили в шпионаже. Данное предположение выглядит вполне реально, если вспомнить, что на следующий год после этого происшествия разразилась японо-китайская война.

Поэтому, если мы хотим опровергнуть теории предшественников и найти разгадку этого неслыханного преступления, нужно преодолеть главную помеху на пути – общепринятую версию.

Но даже если ответ на загадку найти не удастся, можно хотя бы разрушить эту преграду. Ведь у принятой версии те же слабые места, что у версии о преступнике со стороны. Сомнения остаются: раз в деле замешана могущественная военная контрразведка, зачем ей понадобились записки Хэйкити? Какая была необходимость действовать по плану, составленному человеком, не имевшим никакого отношения к военным? Так или иначе, тайна по-прежнему оставалась нераскрытой...

* * *

Весной 1979 года Киёси Митараи, из которого обычно энергия бьет через край, пребывал в крайне угнетенном состоянии духа, совершенно не подходящем для того, чтобы заниматься решением столь необычной задачи.

Ему, как всякой артистической натуре, свойственны чудачества. Он мог ни с того ни с сего прийти в восторг от вкуса купленной зубной пасты и радоваться ему целый день; мог впасть в уныние только потому, что в его любимом ресторане что-то не так сделали со столами, и три дня подряд вздыхать по этому поводу. Польстить ему было трудно, чем-то удивить – тоже. Но за время нашего знакомства в таком мрачном настроении я его еще не видел.

Направляясь в туалет или на кухню выпить воды, Митараи двигался как умирающий слон. Клиентов, изредка наведывавшихся к нему с просьбой погадать, он встречал с такой миной, что кислее не бывает. Со мной он всегда был высокомерен и заносчив, но теперь оставил меня в покое, что, конечно, утешало.

Мы познакомились около года назад. Поводом к знакомству послужило какое-то пустяковое дело, в котором Митараи быстро разобрался. Почти все свободное время я стал проводить на его астрологических сеансах. Взял на себя функции бесплатного помощника, когда к нему в офис приходили ученики и клиенты. Делал это с удовольствием. Как-то раз к Митараи заглянула женщина по фамилии Иида. Как бы между прочим она сообщила, что ее отец был одним из фигурантов того самого нашумевшего дела об убийствах по Зодиаку, выложила на стол документы, которых еще никто не видел, и попросила Митараи попробовать разобраться в том, что произошло сорок с лишним лет назад. Когда я ее услышал, у меня чуть сердце не остановилось. Я благодарил судьбу за то, что она свела меня с Митараи, и с того дня изменил к лучшему свое мнение об этом странном своенравном человеке. Оказалось, что этот мало кому известный прорицатель в определенных кругах имеет кое-какую репутацию.

К тому времени я уже забыл думать об этих убийствах, хотя и не совсем, поэтому освежить в памяти обстоятельства дела особого труда не составило. Какой радостью для меня было заняться этим делом! Митараи же, хотя и увлекался астрологией, ничего об убийствах не знал. Я достал с полки книгу «Семейство Умэдзава и убийства по Зодиаку», стряхнул с нее пыль и принес ему. Тут же пришлось ввести его в курс дела.

– Значит, ты говоришь, что Хэйкити Умэдзаву, который все это написал, убили? – проговорил Митараи со страдальческим видом.

– Совершенно верно. Во второй части книги все подробности, – ответил я.

– Хочешь, чтобы я все это читал? Шрифт такой мелкий, что ослепнуть можно.

– Ну понятно, не детская книжка. Картинок нет.

– Ты же об этом деле все знаешь, так? Лучше расскажи в общих чертах.

– Ладно, попробую... Правда, не знаю, как получится. Я все-таки не такой краснобай, как ты.

– Знаешь что... – завелся было Митараи, но запала, видно, не хватило, и он умолк. Он всегда был хорошим мальчиком.

– То есть ты для начала хочешь полную картину?

– Ну давай же...

– Можно начинать?

– Сколько можно?!

– Ну что же... Так называемые «убийства по Зодиаку» делятся на три эпизода. Первый – убийство Хэйкити, второй – убийство Кадзуэ и третий... э-э... «убийства Азот».

Хэйкити Умэдзаву, автора записок, которые ты прочитал, нашли в собственной мастерской, под которую он перестроил тот самый амбар, двадцать шестого февраля тысяча девятьсот тридцать шестого года, через пять дней после того, как он закончил их писать. Эти странные записи обнаружили в ящике его стола.

Следом за ним была убита Кадзуэ, приемная дочь Хэйкити. Она жила одна в Каминогэ, район Сэтагая, очень далеко от дома и мастерской Хэйкити, которые находились в Охара, район Мэгуро. Судя по тому, что имели место кража и изнасилование, преступником был мужчина. Вполне возможно, что Кадзуэ убил человек, не имеющий отношения к смерти других девушек. Это было просто несчастное стечение обстоятельств. Я склонен думать, что именно так и произошло. Убийство Кадзуэ – это часть трагедии, постигшей семью Умэдзава.

Но смерть Хэйкити и Кадзуэ – только начало. После них последовали серийные убийства, о которых писал Хэйкити. Хотя говорить о серийных убийствах не совсем правильно. Все девушки были убиты примерно в одно и то же время. Речь идет о так называемых «убийствах Азот».

На семью Умэдзава будто наложили проклятие. Кстати, ты знаешь, что произошло двадцать шестого февраля тысяча девятьсот тридцать шестого года, когда обнаружили труп Хэйкити?

– Путч, – с раздражением бросил Митарай.

– Вот именно – военный путч. Надо же, ты тоже выучил кое-что из истории. Кто бы мог подумать? Смотрим дальше.

Как бы тебе объяснить... Для начала разберемся с действующими лицами. В книге есть схема. Смотри. Отношения между этими людьми и без того запутаны, а Хэйкити вдобавок записал их имена другими иероглифами. То есть звучат одинаково, а пишутся по-разному. Чтобы еще больше усложнить картину. Возраст указан по состоянию на 26 февраля 1936 года.

- Даже группы крови указаны.
- Да, и это тоже. Про группы крови дальше будет понятно. Потом они тоже понадобятся.

Хэйкити точно описал людей, имевших отношение к этому делу, и отдельные эпизоды. Я думаю, все так и было.

Этой картине не хватает лишь информации о младшем брате Хэйкити, Ёсио. Он занимался журналистикой и литературой: писал очерки в журналы о путешествиях, печатался в газетах, публиковавших с продолжением его рассказы. То есть оба брата были люди творческие. Когда убили старшего, младший ездил по Тохоку^[18], собирал материал для путевого очерка. Где он находился в то время, точно установить невозможно. И все-таки в целом его отсутствие в Токио можно считать за алиби. Дальше на этом остановимся подробнее. А пока поговорим о том, кто из действующих лиц мог совершить убийства девушек.

Надо еще кое-что добавить о Масако. Ее девичья фамилия Хирата. Она из довольно старого рода, пустившего корни в Аидзувакамацу^[19]. По родительскому соглашению вышла замуж за Сатоси Мураками, директора торговой компании. У них родились три дочери – Кадзуэ, Томоко и Акико.

– А о Хэйтаро Томита что скажешь?

– Когда произошли убийства, Хэйтаро было двадцать шесть. Он был не женат и помогал матери в галерее «Медичи». Скорее даже вел там все дела. Если Хэйкити в самом деле его отец, значит, он «родил» его в двадцать три года.

– А по группе крови нельзя определить, отец он или нет?

– Не тот случай. У Хэйтаро и его матери нулевая группа, а у Хэйкити группа А.

– О Ясуэ Томита мы знаем только по Парижу. А в тридцать шестом году у них с Хэйкити были отношения?

– Похоже на то, – ответил я. – Хэйкити в основном выходил из дома только за тем, чтобы встретиться с ней. Ясуэ разбиралась в искусстве, и он ей очень доверял. Чего нельзя сказать о Масако и приемных дочерях.

– Чего ж он тогда женился на этой Масако? И какие у нее были отношения с Ясуэ?

– Никаких. При встрече они только здоровались, и всё. Ясуэ часто бывала у Хэйкити в мастерской, а в главный дом даже не

заглядывала.

Хэйкити недаром любил свою мастерскую и уединенную жизнь. Видимо, имелась причина. Ясуэ могла попасть в мастерскую через отдельную калитку, не встретив никого из домочадцев. Должно быть, Хэйкити все еще любил ее. Она оставила в его сердце глубокий след, и он не смог выбросить ее из памяти. Он и на Таэ женился только для того, чтобы залечить шрам от несчастной любви. По этой же причине и Масако его быстро окрутила. Воспоминания о той, парижской Ясуэ жили где-то в душе Хэйкити, отсюда и спады настроения.

– То есть Масако и Ясуэ не могли...

– Нет, они ни за что не спелись бы. Это исключено.

– А с первой женой после развода он виделся?

– Ни разу. Хотя их дочь, Токико, часто ездила в Хоя навестить мать. Переживала за нее, ведь Таэ жила одна в своей табачной лавке.

– Суровый человек...

– Да уж. Хэйкити ни разу не съездил с дочерью к жене. Таэ тоже не бывала у него в мастерской.

– И с Масако Таэ отношений не поддерживала?

– Конечно, нет. Для Таэ Масако была разлучницей, которая увела у нее мужа. Она должна была ее ненавидеть. Это же женщина.

– Ого! А ты, оказывается, спец по женской психологии.

– Скажешь тоже...

– Раз Токико так волновалась за мать, чего к ней не переехала?

– Понятия не имею. Я же не специалист по женской психологии.

– А Аяко, жена брата Хэйкити, ладила с Масако?

– Похоже, да.

– Дочерей отправила к Хэйкити, они жили у него в доме, как само собой разумеется, а сама с Масако жить не захотела, хотя места хватило бы всем.

– Не знаю. Может, была какая-то ссора...

– А с Хэйтаро Хэйкити часто виделся?

– Кто их знает... В книжке об этом ничего не сказано. Хэйкити часто бывал на Гиндзе в галерее «Медичи» и, наверное, видел там Хэйтаро. Они вполне могли там сойтись.

– Хорошо. С предисловием вроде как разобралась. Вывод такой: Хэйкити Умэдзава, как многие творческие личности того времени, отличался эксцентричным поведением, что создавало ему много проблем в отношениях с людьми.

– Точно. Ты это тоже имей в виду.

Митарай недоуменно уставился на меня.

– Что я должен иметь в виду? У меня, слава богу, есть моральные принципы, и я таких людей, как Хэйкити, совершенно не понимаю... Короче, предисловие кончилось. Давай теперь со всеми подробностями об убийстве Хэйкити.

– Ну уж в этой теме я знаток.

– Да что ты говоришь? – Митарай шутливо ухмыльнулся.

– Я все наизусть помню. Держи книжку. Ага! Открой-ка страницу с рисунком.

– А ты, случаем, не преступник?

– Не понял.

– Это было бы замечательно. Я бы тебя разоблачил, не слезая с дивана. Протянул руку, набрал полицию, раз – и тайна раскрыта. Может, ты и это дело сотворил?

– Что за чепуха?! Это же сорок лет назад было. Ты что, забыл? Сколько же лет мне сейчас?! «Раз – и тайна раскрыта»... Я не ослышался?

– Не ослышался, не беспокойся. А для чего тогда я слушаю твою скучную лекцию?

Я непроизвольно хихикнул.

– Послушай, это ведь не заурядное дело. Тут даже классному детективу не разобраться.

Митарай громко зевнул:

– Ладно, давай дальше.

– Двадцать пятого февраля, около полудня, Токико вышла из дома Умэдзавы и поехала в Хоя к матери. На следующий день утром, около девяти, она вернулась в Мэгуро. Как раз в эти дни, двадцать пятого и двадцать шестого февраля, в Токио вспыхнул военный мятеж и выпало рекордное за тридцать лет количество снега. Это важное обстоятельство. Вбей это в свою самодовольную голову.

Вернувшись домой, Токико стала готовить завтрак для Хэйкити. Он ел все, что бы она ни приготовила, доверял – все-таки родная дочь.

Токико принесла завтрак в мастерскую без чего-то десять. Постучала, отец не отвечал. Она обошла постройку и заглянула в окно. Хэйкити лежал на полу в луже крови.

Перепуганная Токико позвала из дома мать и сестер. Вместе им удалось сломать дверь. Хэйкити был мертв. Он лежал на боку, затылок был разможен каким-то тяжелым плоским предметом, возможно, сковородой. У него обнаружили ушиб головного мозга, перелом черепа, повреждение мозговой ткани, кровотечение из носа и рта.

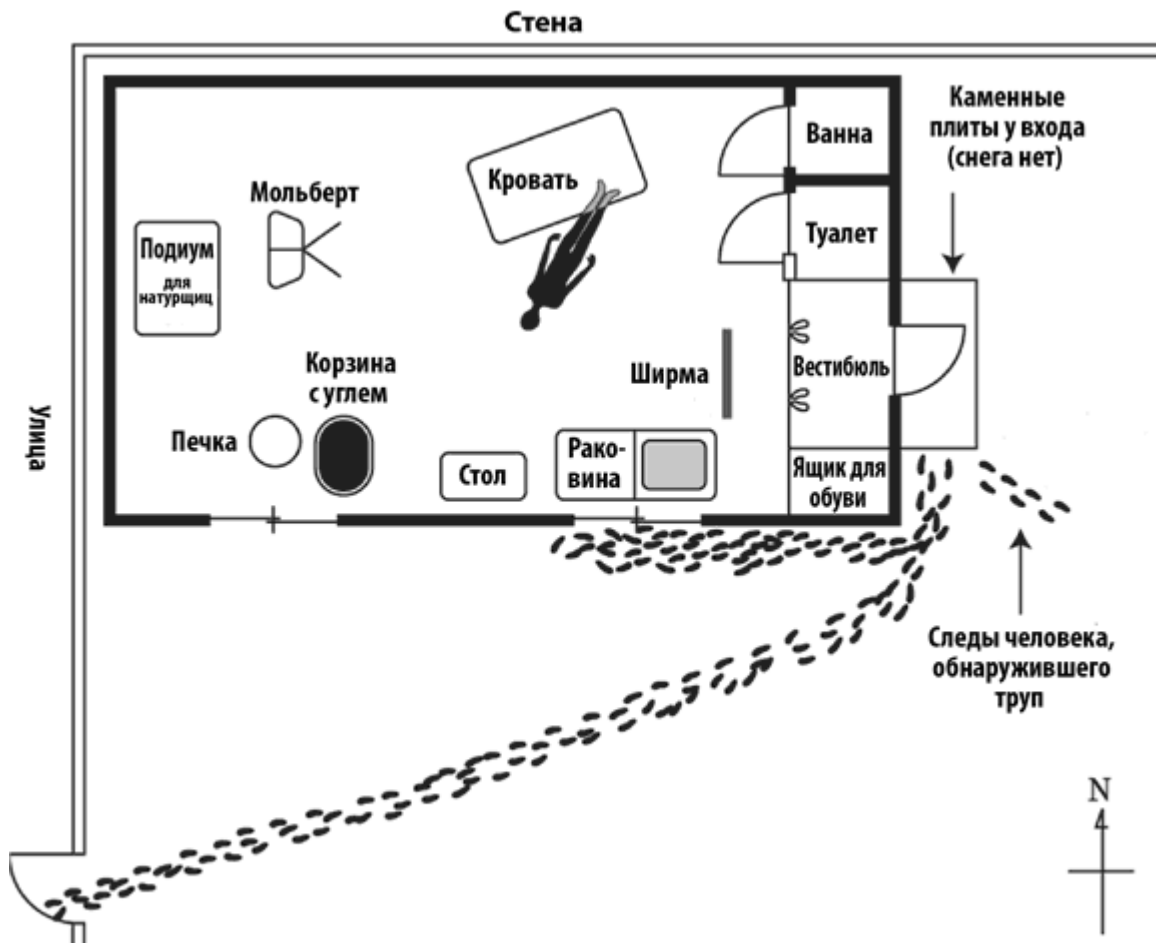
В ящике стола лежали деньги и какие-то ценные безделушки. Преступник их не тронул. Там же, в ящике, обнаружили те самые странные записи.

Вдоль северной стены мастерской выстроились одиннадцать картин, которые Хэйкити называл трудом всей жизни. Никаких повреждений на них не было. Последняя, неоконченная картина стояла на мольберте.

Когда женщины проникли в мастерскую, уголь в печи еще тлел. В то время публика зачитывалась детективными романами, поэтому все были в курсе, что надо делать в таких случаях: под окном лишних следов не оставлять, в мастерской по возможности ни к чему не прикасаться. Так что когда приехала полиция, место происшествия было почти в идеальном состоянии. Как я уже говорил, накануне в Токио прошел сильный снегопад, какого не было три десятка лет, и от мастерской к калитке тянулась четкая цепочка следов.

Посмотри на рисунок. Видишь следы? Это очень важная зацепка. Невероятный ключ к разгадке, который дал снег, выпавший именно в ту ночь.

Следы обуви мужчины и женщины. Однако не похоже, чтобы они шли от мастерской вместе. Потому что один след пересекается с другим.

В принципе, они могли выйти и вместе и идти друг за другом, но это маловероятно. Вот что непонятно: мужские следы вели к одному из окон, где человек, их оставивший, здорово потоптался, а потом вернулся к входу в мастерскую. Что касается женщины, то она сразу

же направилась самым коротким путем к калитке. То есть если двое вышли из мастерской в одно время, мужчина шел вторым, ступая за женщиной.

За калиткой была мощеная мостовая, поэтому, когда около десяти часов приехала полиция, за пределами усадьбы она никаких следов не обнаружила. Их стерли автомобили и пешеходы.

– Хм!

– Еще раз хочу обратить внимание на снегопад. В Мэгуро он начался около двух часов дня двадцать пятого февраля. В Токио снег выпадает редко. Никому в голову не могло прийти, что он не сразу растает. Тогда еще не было точных прогнозов погоды. А вышло так, что снег не прекращался девять с половиной часов – до половины двенадцатого. Вот он и остался.

А на следующее утро, в полдевятого, снег пошел опять. Правда, продолжался совсем недолго, минут пятнадцать. Припудрил то, что было.

Следы лишь слегка припорошило. Из этого следует, что двое вошли в мастерскую по меньшей мере за полчаса до половины двенадцатого, когда снегопад прекратился, и вышли из нее в промежутке между половиной двенадцатого и половиной девятого следующего утра. Сначала женщина, потом мужчина. Почему я утверждаю, что они вошли в мастерскую за полчаса до окончания снегопада? Потому что следы были занесены лишь слегка.

Что из этого следует? Можно предположить, что в тот вечер в мастерской встретились обладатель мужской обуви, обладательница обуви женской и Хэйкити. Верно? Судя по следам, ситуация, когда женщина пришла в мастерскую первой, встретила с Хэйкити и отправилась восвояси, а за ней явился мужчина, убил Хэйкити и ушел, представляется крайне маловероятной. Вот это-то и интересно.

Если наследивший в усадьбе Умэдзава преступник – мужчина, то женщина, посетившая Хэйкити, должна была его хорошо разглядеть. И наоборот: мужчина видел женщину-преступницу. Но такое вряд ли возможно. Мужчина покинул мастерскую после женщины. Странно,

если он просто наблюдал со стороны, как женщина убивает Хэйкити, остался на месте преступления после того, как она ушла, и бессмысленно топтался под окном.

А что, если мужчина и женщина действовали вместе? Естественно, такая мысль приходит в голову. И здесь есть один очень непонятный момент. Незадолго до гибели Хэйкити принял снотворное. Оно было обнаружено в его желудке. Доза, конечно, далеко не смертельная; видимо, Хэйкити выпил таблетки, чтобы заснуть. Скорее всего, сделал это сам. И сразу после этого его убили. Получается, он принял снотворное, когда у него были гости.

Странно, правда? Если б гость был один, это еще как-то можно понять. И то если этот человек очень близок к хозяину. Но двое?! Пить снотворное в их присутствии? Неужели эти люди были так близки Хэйкити? То есть, выпив снотворное, он мог извиниться перед гостями и уснуть? Однако Хэйкити трудно сходилась с людьми. Были ли у него столь близкие друзья?

Остается лишь один вариант. Полдвенадцатого снег кончился, и женщина ушла. Хэйкити остался наедине с мужчиной. И тогда уже принял снотворное.

Но здесь тоже остаются неясности. Будь женщина одна, Хэйкити, может, выпил бы таблетки и при ней. Но среди мужчин у него не было настолько близких друзей, чтобы при них принимать средство от бессонницы.

Короче, со снотворным нет полной ясности. Споры вокруг убийства Хэйкити не утихают уже сорок лет, вот почему я подробно остановился здесь, хотя сильно голову над этим не ломал.

При этом в истории со следами много странного. Получается так: мужчина, оставивший следы, – единственный преступник, и женщина его видела. Кто была эта женщина, как думаешь?

– Натурщица?

– Ага! Вот-вот! Это могла быть натурщица. И она могла видеть преступника. Полиция несколько раз обращалась к свидетелям преступления с призывом явиться и дать показания, обещая не

раскрывать имен. Однако никто так и не пришел. Так что кем была эта женщина, не известно до сих пор, сорок лет спустя.

И опять странное дело: натурщица что, позировала Хэйкити до полдвенадцатого ночи? Если так, то она была с ним в очень близких отношениях. Порядочная женщина на такую работу не согласится.

Остается, конечно, возможность, что женщина явилась к Хэйкити без зонтика и ждала, пока снег не прекратится. Зонта в мастерской не было, хотя хозяин вполне мог сходить за ним в дом.

С учетом вышесказанного многие сомневаются, была ли вообще эта натурщица. Ведь ее так и не нашли. Полиция сбилась с ног, но результата не добились. Так что есть все основания ставить ее существование под сомнение. Стали даже говорить, что следы на снегу – это уловка. Говорили много и в итоге пришли к следующему: следы, кто бы их ни оставил, вели только в одном направлении – от мастерской. Об этом свидетельствуют глубина и форма отпечатков.

Учили и такой вариант: мог ли некто надеть на руки женскую обувь и пройтись по-собачьи? Но эксперимент показал, что это невозможно, поскольку ширина мужского шага значительно больше женского.

Пожалуй, хватит о следах. Это не самый интересный аспект в убийстве Хэйкити. В его записках сказано, что на окнах – в стене и крыше – были установлены прочные металлические решетки. Хэйкити был человеком очень нервным и решетки подобрал такие, что не сломать. Никто и не пытался это сделать – во всяком случае, следов взлома не обнаружили. Снять их снаружи не представлялось возможным. То есть проникнуть в мастерскую и выйти из нее можно было только через единственную дверь. Именно ею и воспользовался преступник.

Входная дверь была не совсем обычная. Такие двери ставят в Европе. Она открывалась наружу и была снабжена задвижкой. Путешествуя по Европе, Хэйкити мог часто видеть такие двери во Франции, в сельских гостиницах. Наверное, они ему понравились. Дверь закрывалась изнутри на задвижку, которая фиксировалась в

пазу в стене. На задвижке висел замок, типа тех, какими запирают саквояжи.

Митарай широко открыл глаза и приподнялся на диване.

– В самом деле? – спросил он.

– Точно. Мастерская оказалась запертой изнутри.

Сцена 2

Двенадцатая картина

– Но это же невозможно. Замок от саквояжа? Но в таком случае преступник, убив Хэйкити, сбежал через какой-то потайной ход. Других вариантов не остается.

– Полиция там все прочесала. Никакого потайного хода в мастерской не обнаружили. Не через канализацию же убийца просочился. Там и ребенок не пролез бы.

– Уж не знаю, как с задвижкой, но против замка никакие технические штучки не сработают. Его могли навесить только изнутри. И потом, эти следы под окном... Чего этот человек там топтался? Разве не странно?

Далее, необходимо определить предполагаемое время смерти Хэйкити. Она наступила между одиннадцатью часами вечера двадцать пятого февраля и часом ночи двадцать шестого. Снегопад закончился в полдвенадцатого. Это надо иметь в виду.

Что касается места происшествия, то следует отметить два странных обстоятельства. Первое: как видно на рисунке, кровать в мастерской была отодвинута от стены и стояла криво; ноги лежавшего на полу Хэйкити оказались под кроватью. Нам известно, что Хэйкити любил двигать свою кровать по мастерской и спать где заблагорассудится, поэтому в необычном положении кровати, возможно, нет ничего странного. Тем не менее данное обстоятельство может иметь очень большое значение. Зависит от того, как на него смотреть.

Вторая странность: Хэйкити носил усы и бороду, а на трупе бороды почему-то не было. Вот тебе еще загадка. По свидетельству членов семьи Хэйкити, за два дня до убийства борода была при нем. Похоже, он не сам ее отрезал. Значит, это сделал преступник. Бороду не побрили, а именно отрезали. Обкорнали ножницами. Почему я

думаю, что это сделал преступник? Потому что остатки бороды были обнаружены возле тела убитого, а в мастерской не нашли ни ножниц, ни бритвы. Странно, правда?

Еще была версия, что вместо Хэйкити убили его младшего брата, Ёсио. Братья были очень похожи, почти близнецы. Но Ёсио бороду не носил. Хэйкити мог пригласить брата к себе, по какой-то причине убить его и оставить тело в мастерской в надежде, что Ёсио примут за него. Или могло произойти наоборот.

Вообразить такое по силам только авторам детективного чтива для малолетних читателей, поэтому сейчас никто не воспринимает эту «версию» всерьез. Хотя домочадцы могли и обознаться – они давно не видели Хэйкити без бороды, и черты его лица от удара по черепу были искажены. Так что полностью исключать возможность подмены я бы не стал. Ведь Хэйкити был настолько одержим своим творчеством, что, наверное, пошел бы на все во имя Азот.

Вот что можно сказать о месте происшествия. Перейдем теперь к действующим лицам и их алиби...

– Подожди минуту, сэнсэй!

– Есть вопросы?

– Ты слишком частишь. Я за тобой не успеваю. Даже вздремнуть некогда.

– Это что за разговоры в аудитории?! – возмутился я.

– Меня интересует запертая мастерская. Следы, по твоим словам, очень активно обсуждали. А о мастерской долго говорили?

– Сорок лет.

– Тогда расскажи о мастерской подробно.

– Может, я сразу все и не вспомню... Постройка изначально задумывалась как двухэтажная, поэтому крыша была очень высоко. До сделанного в ней окна не дотянуться, даже если встать на кровать. Так или иначе, на окне еще стекло и решетка. Ни лестницы, никаких других приспособлений, с помощью которых можно было бы забраться наверх, в мастерской не нашли. Все двенадцать картин оставались на своих местах.

Труба угольной печки была сделана из жести, по такой непрочной конструкции даже Санта-Клаусу не вскарабкаться. Кроме того, огонь в печи еще горел. В стене было отверстие, через которое труба выходила наружу, но такое маленькое, что голова не пролезет. Вот, пожалуй, и всё. И никаких потайных ходов.

– Занавески на окнах были?

– Были. И вот еще что. Рядом с кроватью, у северной стены, лежал длинный, очень тонкий шест, которым раздвигали и сдвигали шторы на окне под потолком. Причем нашли его далеко от окна, в другом конце комнаты.

– Угу. Окна были заперты?

– Не все.

– А окно, у которого кто-то топтался?

– У него шпингалет был открыт.

– Понятно. А что еще было в мастерской?

– Да ничего особенного. На рисунке, считай, вся обстановка. Плюс подушка на кровати, краски, кисти и прочие атрибуты художника; в столе ручки, бумага, та самая тетрадь с записями, наручные часы, немного денег, географический атлас. Вот, пожалуй, и все. Хэйкити намеренно не держал в мастерской ни книг, ни журналов, ни газет. Похоже, он не был любителем чтения. Ни радио, ни патефона. Классическая келья художника.

– Кстати, а что калитка в стене? Она была заперта?

– В принципе, она запиралась изнутри, однако замок вроде был сломан. Достаточно дернуть снаружи – и калитка открыта.

– Довольно опрометчиво.

– Согласен. Хэйкити перед убийством порядком ослабел: почти ничего не ел, мучился от бессонницы, пил таблетки. Напился снотворного, получил удар по затылку, да еще и оказался в запертой комнате... Странно все это. Бессмыслица полная.

– И еще бороду ему отрезали.

– Но это-то тут при чем?

Митарай раздраженно помахал пальцем у себя перед носом:

– Если он погиб от удара по затылку, значит, это точно убийство. Но зачем убийце понадобилось запирасть мастерскую? Хотел инсценировать самоубийство?

Я хмыкнул. У меня был готов ответ на этот вопрос:

– Начнем со снотворного. Как я уже говорил, когда рассказывал про следы, Хэйкити принял таблетки в присутствии гостей. Двух – или одного, мужчины. Из этих двух вариантов гораздо более вероятен второй. И конечно же, Хэйкити знал этого мужчину, был с ним в довольно близких отношениях. Это могли быть или его брат Ёсио, или Хэйтаро из галереи «Медичи».

– Выходит, у Хэйкити, кроме фигурирующих в записках лиц, других близких людей не было?

– Были два-три художника, с которыми он познакомился в «Медичи», и несколько завсегдатаев питейного заведения «Хурма», упомянутого в его записках. Не столько близких знакомых, сколько собутыльников. Среди них – Гэндзо Огата, владелец мастерской, где делали манекены, и один из его работников по имени Тамио Ясукава.

Но все эти люди – всего лишь хорошие знакомые, и среди них только один человек был у Хэйкити в мастерской. И то лишь один раз. И уж конечно, его не стоит записывать в друзья Хэйкити. Поэтому даже если в ночь, когда произошло убийство, кто-то из этих людей оказался в мастерской, для него это был первый визит к художнику. Стал бы Хэйкити пить снотворное в присутствии таких людей?

– Да-а... А Ёсио и Хэйтаро? По ним что полиция решила?

– Их признали непричастными к убийству. У обоих оказалось алиби, хотя и не очень надежное. Возьмем Хэйтаро. Двадцать пятого февраля, примерно до половины одиннадцатого вечера, он играл в карты с друзьями в галерее «Медичи» на Гиндзе. Там же присутствовала его мать, Ясуэ Томита. Они собрались посидеть после закрытия галереи. Гости разошлись около двадцати минут одиннадцатого, а в половине одиннадцатого мать и сын поднялись

на второй этаж и разошлись по своим спальням. Если Хэйтаро – убийца, он должен был добраться до мастерской Хэйкити за тридцать-сорок минут. Возможно ли было уложиться от Гиндзы до Охара-мати в районе Мэгуро за сорок минут при сильном снегопаде?

А если мать и сын сговорились убить Хэйкити? В таком случае они могли выбежать из «Медичи» сразу после ухода гостей, и у них было около пятидесяти минут, чтобы доехать до мастерской. Счет шел на минуты.

Но даже если так и было, непонятен мотив преступления. Если говорить только о Хэйтаро, полностью отрицать существование у него мотивов для убийства мы не можем. Хотя мотивчики, конечно, так себе. Хэйтаро мог обижаться на безразличие и безответственность отца – если Хэйкити им был. Или на то, что Хэйкити причинил страдания его матери. Однако стоит включить в эту комбинацию Ясуэ, как все запутывается. Она была с Хэйкити в добрых отношениях. Еще их связывала работа. Хэйкити сдавал в галерею Ясуэ свои картины. Убивать его было просто глупо с коммерческой точки зрения. Картины Хэйкити после его смерти, особенно после окончания войны, продавались очень дорого. Но поскольку у Ясуэ не было с ним четкого контракта, она мало что получила от этого.

Так или иначе, следственный эксперимент показал, что доехать от Гиндзы до Мэгуро ночью по заснеженным улицам за сорок минут было невозможно.

– Угу.

– Теперь о Ёсио. В день убийства, двадцать пятого, он уехал в Тохоку и вернулся в Токио поздно ночью двадцать седьмого. Алиби у него не идеальное, хотя точно известно, что он встречался с приятелем в Цугару^[20]. Ёсио был в этом городе, тут не может быть сомнений. Говорить о его поездке можно много, но я опущу подробности.

В деле об убийстве Хэйкити у многих лиц алиби, подобно Ёсио, оказалось не стопроцентным. Я бы даже сказал, почти у всех. Взять, к примеру, жену Ёсио, Аяко. Муж был в командировке, дочери – у Масако, а она в ту ночь осталась дома одна. Без алиби.

– А что, если она и была той самой натурщицей?

– В сорок шесть лет?

– Мда-а...

– У женщин, имевших отношение к этому делу, с алиби проблемы. Возьмем для начала старшую дочь Хэйкити, Кадзуэ. Она была в разводе и проживала одна в Каминогэ. По тем временам порядочная дыра. Естественно, алиби она доказать не могла.

Теперь Масако со своими дочками. Как обычно, они – сама Масако, дочери Томоко, Акико и Юкико и племянницы Рэйко и Нобуё – собрались в главном доме обсудить свои женские дела. В десять часов все разошлись по своим комнатам. Отсутствовала лишь Токико, которая в тот день ездила в Хоя к матери.

В доме, кроме кухни и небольшого холла-гостиной, где девушки занимались танцами и музыкой, было еще шесть спальных комнат. Хэйкити в доме совсем не жил, отдавая предпочтение мастерской. У Масако и ее дочерей были отдельные спальни, Рэйко и Нобуё спали вместе в одной комнате.

Может, это не имеет отношения к делу, тем не менее на первом этаже рядом с гостиной располагались спальни Масако, Томико и Акико. На втором этаже, возле лестницы, находилась комната Рэйко и Нобуё. За ней были спальни Юкико и Токико.

Теоретически любая из женщин могла покинуть свою комнату, когда остальные уснут. С первого этажа вообще можно было вылезти на улицу через окно. Но никто этого не сделал. На снегу под окнами не нашли ни одного следа.

Конечно, можно было выйти на улицу через главный вход, пройти вдоль стены, огораживавшей усадьбу, до калитки. Дорожка от входной двери до ворот была выложена каменными плитами. Томоко, проснувшись рано утром двадцать шестого, смела снег с

камней. По ее свидетельству, она видела на снегу лишь следы почтальона, который прошел к входной двери и вернулся к воротам, но подтвердить ее слова никто не мог.

Масако сообщила, что, проснувшись, не обнаружила никаких следов, но это тоже лишь ее слова, и, когда приехала полиция, большинство следов уже было затоптано.

Возможность, что кто-то перелез через стену, полностью исключена. В десять тридцать двадцать шестого февраля полиция обследовала стену и не обнаружила около нее на снегу никаких следов.

Кроме того, по верху стены была натянута прочная колючая проволока, поэтому даже сильный мужчина не смог бы перелезть через стену без риска поломать себе кости. По этой же причине пройти по кромке стены тоже не получилось бы.

Остаются еще два действующих лица, у которых проблема с алиби. Это Токико и Таэ, первая жена Хэйкити. Обе свидетельствовали в пользу друг друга. Таэ утверждала, что Токико находилась у нее дома. Среди дочерей Хэйкити только у Токико было алиби, которое кто-то мог подтвердить, но поскольку в ее пользу свидетельствовала мать, алиби Токико нельзя считать стопроцентным.

– То есть с алиби дела обстоят неважно?

– Строго говоря, доказанного алиби нет ни у кого.

– Понятно. Получается, что все на подозрении. А что Хэйкити делал двадцать пятого? Работал?

– Похоже на то.

– Значит, у него могла быть натурщица?

– Да. Разговоры об этом тогда ходили. Полиция тоже считала, что следы на снегу могла оставить натурщица. Хэйкити Умэдзава часто нанимал их в клубе моделей «Цветок лотоса» на Гиндзе. Иногда ему кого-то рекомендовала и Ясуэ Томита. Однако полиция, обратившись в «Цветок лотоса», выяснила, что двадцать пятого никого из натурщиц этого клуба в мастерской Хэйкити не было. Опросили

работавших при клубе девушек, ни одна из них со своими подругами художника не знакомила. То же самое заявила и Ясуэ: двадцать пятого февраля никто из ее знакомых с Хэйкити не работал.

Однако Хэйкити сообщил Ясуэ интересную вещь. Двадцать второго он с радостью поделился с ней новостью, что нашел классную натурщицу, именно такую, какую хотел писать. Сказал, что отдаст все силы этой работе, которая станет последней и самой главной в его жизни. Натурщица была очень близка к образу, сложившемуся у него в голове.

– Хм-м...

– Эй! Такое впечатление, будто это тебя не касается. Но это же твоя работа! Я всего лишь твой помощник. Мои слова навели тебя на какую-нибудь мысль?

– Я бы так не сказал.

– Ну и тип же ты! Как же ты раскроешь это дело? Женщина, которую Хэйкити хотел рисовать, и его последняя тема – Овен. Он мог использовать в качестве модели Токико. Ведь она – Овен. Однако есть одна проблема: как Хэйкити мог рисовать свою дочь? Ведь натурщице полагалось быть голой. Поэтому полиция решила, что он нашел натурщицу, очень похожую на Токико.

– Все верно.

– С фотографией Токико полиция прошлась в Токио по всем модельным агентствам. Занимались этим делом больше месяца, но натурщицу так и не нашли.

Если б эту женщину нашли, загадка запертой комнаты была бы решена. Она видела преступника и могла его опознать. После путча двадцать шестого февраля у полиции прибавилось много других дел; тогда-то и решили, что Хэйкити, скорее всего, встретил подходящую девушку где-то на улице или в кафе.

Профессиональная натурщица вряд ли стала бы позировать до полуночи, если только не была с художником в довольно близких отношениях. Весьма вероятно, что девушка, а может быть, замужняя

женщина, с которой познакомился Хэйкити, нуждалась в деньгах. Узнав из газет, что художника, у которого она побывала, убили, натурщица испугалась и решила исчезнуть. И это понятно: что сказали бы соседи, если бы в газетах написали, что она за деньги позировала голой перед незнакомым человеком?

Полиция неоднократно обращалась к свидетельнице убийства с призывом явиться для дачи показаний, обещая сохранить ее имя в тайне, но никто так и не пришел. И сейчас, спустя сорок лет, никому не известно, кто была эта натурщица.

– вполне естественное поведение для преступника.

– То есть?

– Предположим, эта женщина и есть убийца. После убийства Хэйкити она могла симитировать двойной след – покрыть свои следы следами от мужской обуви. И получилось, будто шел мужчина. Ты раньше говорил об этом. Следовательно...

– Исключено. Потому что в таком случае эта женщина, натурщица, должна была заранее приготовить мужскую обувь. Но если при ней оказалась пара ботинок, значит, она предвидела, что будет снегопад. Однако никто не мог знать, что пойдет снег, пока он не начался двадцать пятого в два часа дня. А натурщица, можно полагать, появилась в мастерской около часа. Во всяком случае, по свидетельству дочерей Хэйкити, шторы на окнах мастерской к тому времени были задернуты. Обычно так бывало, когда к отцу кто-то приходил.

Не могу представить, чтобы натурщица, задумав убить Хэйкити, оказалась настолько прозорливой, что запаслась парой мужских ботинок.

А может, она воспользовалась обувью Хэйкити? Однако, как утверждали родственники, у Хэйкити было всего две пары ботинок, и обе стояли в мастерской, в прихожей. Неужели натурщица, попользовавшись ботинками Хэйкити для фальсификации следов, умудрилась потом вернуть их на место? Это невозможно.

Так что натурщица тут ни при чем. Скорее всего, она закончила свою работу и тут же удалилась.

– Если она вообще была.

– Именно. Если натурщица вообще была в тот день у Хэйкити.

– С другой стороны, преступник вполне мог застаться женской обувью, если у него была задумка оставить женские следы.

– Да... такое возможно.

– Хотя если подумать, все это полная ерунда. Если убийца – женщина и она хотела, чтобы подумали на мужчину, ей было достаточно оставить лишь мужские следы. И наоборот: если Хэйкити убил мужчина, который приготовил женскую обувь, ему можно было симитировать лишь женские следы. Зачем понадобилось оставлять два следа, ума не приложу... Ой!

– Что случилось?

– Голова заболела. Мне от тебя нужны только факты, а ты вместо этого грузишь меня никчемными рассуждениями и догадками. У меня от всего этого башка раскалывается.

– Ну, извини. Может, тогда прервемся?

– Не надо. Давай только факты.

– Понял. На месте происшествия не обнаружили ничего существенного. Хэйкити много курил, и в пепельнице нашли много окурков.

С отпечатками пальцев тоже ничего интересного. Хэйкити работал с несколькими натурщицами; возможно, среди найденных отпечатков были и их «пальчики». Отпечатков загадочного мужчины, оставившего следы на снегу, не обнаружили. Только отпечатки Хэйкити, и никаких признаков, что кто-то пытался стереть свои.

Изучение отпечатков, в общем, ни к чему не привело – преступником мог быть кто-то из домочадцев или неизвестный человек, позаботившийся о том, чтобы не оставить следов.

– Угу.

– В мастерской не обнаружили ничего необычного или похожего на орудие убийства. Там все было на месте, ничего не убавилось и

не прибавилось. Единственное – не стало хозяина.

– Мне эта история напоминает американские триллеры. В мастерской двенадцать картин, посвященных знакам Зодиака. Преступник, как любой человек, должен быть связан с одним из знаков. Хэйкити мог бы каким-то образом намекнуть, к какому знаку принадлежал преступник. Оставить на картине отметину, повалить ее на пол. Однако...

– К сожалению, смерть наступила мгновенно.

– Может, он хотел как-то намекнуть на преступника, отрезав себе бороду?

– У него же не было времени. Он умер сразу.

– Да, сразу...

– Ну вот. Я рассказал об убийстве Хэйкити Умэдзавы все, что мне известно. Теперь твоя очередь включать свой дедуктивный метод.

– погоди! Ведь после смерти Хэйкити были убиты все семь его дочерей и племянниц? Значит, их можно исключить из списка подозреваемых.

– Да, наверное. Однако убийство Хэйкити и «убийства Азот» могли совершить разные люди.

– Конечно. Но что мы имеем с точки зрения мотивов? Желание родных Хэйкити построить дом на участке? Страх за свою жизнь, которую почувствовали девушки из семьи Умэдзава, если им в руки попали записки главы семейства? Желание какого-нибудь торговца картинами нажиться на работах Хэйкити, отправив его на тот свет таким скандальным способом? Вот, пожалуй, и всё... Так или иначе, преступника надо искать среди лиц, упомянутых в записках Хэйкити. Это естественно. Кроме них, мотивов для убийства ни у кого не было. Правильно?

– Согласен.

– Кстати, картины Хэйкити действительно прибавили в цене?

– Еще как! За одну картину метр шестьдесят на метр тридцать можно было целый дом купить.

– Ага! А за одиннадцать картин – одиннадцать домов?

– Именно так. Но столько стоять они стали лет через десять, уже после войны. К тому времени вышла книга «Семейство Умэдзава и убийства по Зодиаку» – и сразу стала бестселлером. Таэ много получила как наследница Хэйкити, Ёсио, видимо, тоже кое-что досталось. А до этого была японо-китайская война, начавшаяся сразу после серии убийств, потом через четыре года – Перл-Харбор. До дела Умэдзава руки не доходили. Полиция была не в состоянии заниматься им серьезно. Неудивительно, что это интереснейшее дело так и осталось нераскрытым.

– Но шумиха вокруг него поднялась громкая. Уж больно много в нем всякой чертовщины.

– Точно. Лишь об этой шумихе можно целую книгу написать. Один убеленный сединами и опытом специалист в алхимии, изучив записки Хэйкити, утверждал, что своими дикими фантазиями тот навлек на себя божий гнев и его смерть в запертой мастерской есть не дело рук человеческих, а результат проявления гнева Всевышнего. Подобных суждений звучало очень много. Это совершенно естественно, когда дело касается нравственности и морали.

С этим делом связано немало скандальных эпизодов. Религиозные фанатики устраивали шумные сборища у дома Умэдзава, пытались проникнуть внутрь. Как-то в прихожей появилась элегантная женщина средних лет, ворвалась в гостиную и начала длинную проповедь. Со всех уголков страны к дому Умэдзава стекались люди, желавшие прославиться, – члены сомнительных религиозных сект, монахи, проповедники, богомольные старухи...

– Замечательно! Нет слов! – На лице Митараи промелькнуло выражение нескрываемого возбуждения.

– Все это, конечно, очень интересно, но хотелось бы знать, что ты об этом думаешь.

– Ясно, что преступление не Господь Бог совершил.

– Ну это понятно. Мы имеем дело с интеллектуальным преступлением, и у него должно быть логическое объяснение. Ну так

что? Сдаешься? Азот пока касаться не будем. Но как преступник умудрился убить Хэйкити в запертой комнате?

– А-а... ты про это... – страдальчески скривившись, протянул Митараи. – Трудно определить, кто это сделал...

– Я сейчас не о преступнике. Меня интересует способ. Как можно убить человека в помещении, запертом изнутри на замок?

– Ну с этим-то как раз все просто. Достаточно подвесить кровать под потолком.

Сцена 3

Ваза и зеркало

– Мы знаем, – продолжал Митарай, – что Хэйкити умер от удара чем-то плоским. Это могла быть, к примеру, доска. Тот же эффект имела бы поверхность пола.

С замком нет смысла ломать голову. Хэйкити сам его повесил.

Если подумать, все выглядит вполне логично. В своих записках, которые сам автор просит считать его завещанием, Хэйкити намекает на то, что собирается покончить с собой. Вполне очевидно, что преступнику – или преступникам – было бы удобно представить смерть Хэйкити как самоубийство. А получилось, что смерть наступила от ушиба мозга и удар нанесли сзади. Самоубийство поэтому исключено, и, естественно, начались поиски преступника. Несмотря на существование завещания, тот мог о нем не знать. В таком случае почему он совершил то, что совершил? Тут преступник явно прокололся.

– Здорово! Как же ты так быстро додумался? Полиция тогда не сразу сообразила, как было дело... Почему, интересно?

Митарай молчал, и я решил продолжить за него:

– К кровати, на которой спал Хэйкити, были приделаны колесики. Некто взобрался на крышу мастерской, вынул стекло из окна под потолком, спустил вниз веревку с крюком. Потом прицепил крюк к кровати и подкатил ее под самое окно. Этот человек знал, что Хэйкити примет большую дозу снотворного, чтобы уснуть, и что он не проснется, если действовать осторожно.

Поле того как Хэйкити заснул, с крыши спустили еще три веревки и, так же закрепив крюками, стали поднимать кровать. Спящего подтянули к окну и хотели симитировать самоубийство – всыпать ему в рот цианистый калий, перерезать вены на руках или еще что-то с ним сделать.

Но вышло не так, как планировалось, потому что делалось все без подготовки, потренироваться возможности не было. Когда четыре человека стали тянуть веревки, кровать под самым потолком накренилась, и Хэйкити вывалился из нее. Упал с большой высоты. Сколько там? Метров пятнадцать, наверное. Шансов выжить у него не было.

– Угу.

– Вот что важно: полиция только через месяц сумела восстановить картину происшедшего.

– Хм-м...

– А что ты скажешь о следах?

– М-м...

– Какие идеи?

– Разве это важно? Если подумать, то... Под окном так натоптано, потому что там стояла лестница. Чтобы поднять кровать, требовались минимум четыре человека. Должен был быть еще один человек, которому предстояло симитировать самоубийство. Значит, в операции принимали участие пятеро. Спускались по лестнице на снег, отсюда столько следов.

Что касается двойного следа, то будем исходить из того, что женские следы, возможно, оставленные натурщицей, настоящие, а по ним на носках, как в балете, прошли мужчины. Они шли друг за другом, стараясь ступать точно по следам тех, кто шагал впереди. Но как они ни старались, точно след в след пройти не получилось, и шедший последним крупный мужчина всю эту цепочку разрушил.

– Точно! Как ты все разложил... Ну ты голова! Сколько потеряло наше государство от того, что ты сидишь в Иокогаме, как заштатная гадалка!

– Вот как ты заговорил!

– Вообще-то, когда несколько человек слезают с лестницы, трудно всем попасть в один след. Да и от лестницы в любом случае след останется. Вот почему человек, который шел последним, должен был как следует потоптаться на этом месте.

Митараи молчал.

– Итак, – продолжил я, понимая, что надо сделать перерыв, – до этого места все понятно. Вопрос в том, что произошло дальше.

Мои слова, похоже, расстроили Митараи, и он сказал:

– Ладно! Что-то я проголодался. Так и отощать можно. Спустимся вниз, пожую что-нибудь.

* * *

На следующее утро, позавтракав, я поспешил к Митараи в Цунасиму^[21], где застал его в офисе поглощавшим им же приготовленную яичницу с беконом.

– Привет! Извини, что помешал.

Увидев меня, Митараи попытался загородить плечом тарелку:

– Что-то ты рано... Свободен сегодня?

– Свободен. Что за вкуснятину ты сварганил?

– Знаешь что? – торжественным тоном проговорил Митараи, не отрываясь от тарелки.

– Что?

– Открой. – Он указал на небольшую прямоугольную коробку.

В коробке оказалась новая кофейная кружка.

– Там еще должен быть пакет с кофе. Буду считать завтрак удавшимся на все сто, если заварить кофейку, – сказал Митараи.

– И на чем мы вчера остановились? – спросил он, прихлебывая из кружки кофе. Его вчерашняя депрессия, похоже, отступила.

– На убийстве Хэйкити Умэдзавы. Это примерно треть всего дела. Ты раскрыл, как был убит хозяин запертой изнутри мастерской.

– Ага! Но в этом деле есть какое-то принципиальное противоречие. Что?.. Вчера, когда ты ушел, я немного подумал. Тьфу ты! Забыл, что хотел сказать. Ладно! Вспомню – тогда...

– Я тоже забыл тебе вчера сказать, – решительно приступил к делу я. – Это касается Ёсио Умэдзавы. Младший брат Хэйкити в день

убийства находился в Тохоку.

Одна из главных причин, запутывающих дело Умэдзавы – я имею в виду не только убийство Хэйкити, но и то, что произошло с его семьей, – состоит в том, что Ёсио и Хэйкити были похожи друг на друга как близнецы. Это раз. И второе: у убитого Хэйкити кто-то отрезал бороду.

Митарай смотрел на меня и молчал.

– Лица, видевшие Хэйкити живым в день убийства, не установлены, однако двумя днями раньше борода была при нем. Есть свидетельства членов семьи и Ясуэ Томиты.

– Ну и что?

– Это же важно! Разве нет? Что, если жертвой оказался не Хэйкити, а Ёсио?

– Тут и говорить не о чем. Ёсио вернулся из Тохоку... Когда это было? Да, ночью двадцать седьмого февраля. Вернулся и стал жить как прежде. Жена, дочери... Встречался в издательствах со знакомыми. Как бы они с братом ни были похожи, как можно обмануть всех этих людей? Нет, это совершенно нереально.

– С точки зрения здравого смысла, возможно, ты и прав. Мне лично возразить нечего. Но когда мы начнем говорить об «убийствах Азот», думаю, ты засомневаешься в четкой картине, которую нарисовал, и поневоле станешь думать: а может, Хэйкити не умер тогда? Я – иллюстратор и часто встречаюсь с людьми из разных издательств. Когда всю ночь просидишь за работой, выглядишь совершенно по-другому. Мне так и говорят: «Что случилось? Ты сам на себя не похож».

– А жена, дети? Тоже не узнают?

– Не знаю. Но если сменить прическу и надеть очки, то обознаться, мне кажется, можно. Тем более что работу в издательствах принимают, как правило, вечером...

– Ёсио Умэдзава после убийства брата стал носить очки?

– Вроде нет...

– В издательствах какой народ сидит? Все близорукие, а многие еще и тугие на ухо. Ты попробуй обмануть жену, с которой давно вместе живешь. Хотя если она твоя сообщница... Но как могла Аяко быть соучастницей преступлений, жертвами которых стали две ее дочери?

– Хм-м... Ёсио пришлось бы обманывать дочерей... Может, поэтому их и убили? Чтобы они не успели открыть правду.

– Давай не будем гадать. Какая выгода от этого Аяко? Квартира в новом доме в обмен на жизни мужа и дочек? – задал вопрос Митарай.

– Хм-м...

– Здесь концы с концами явно не сходятся. Или ты думаешь, что Хэйкити и Аяко давно были в интимных отношениях?

– Нет.

– Неужели братья так походили друг на друга? Может, об их сходстве заговорили из-за «убийств Азот»? Чтобы как-то обосновать предположения, что Хэйкити остался жив?

Мне было нечего ответить.

– Что ни говори, но я исключаю возможность подмены, – продолжал Митарай. – Скорее поверю, что Хэйкити Бог прибрал, как утверждал тот алхимик, о котором ты вчера говорил.

Есть еще такая возможность: Хэйкити заранее подыскал человека, совершенно постороннего и очень похожего на него, и убил его, выдав за себя. Как-то так. Но разве можно найти такого двойника?

Короче, версия с подменой – это бред. Все разговоры вокруг нее пошли из-за того, что у Ёсио не было твердого алиби. Нужно его подкрепить, и тогда, по крайней мере, можно будет закрыть эту дурацкую версию. Правильно?

– Пока в твоих рассуждениях все четко. Сохранится ли твоя уверенность, когда речь пойдет об «убийствах Азот»? Вот вопрос.

– Посмотрим.

– Ты еще не все понимаешь... Хорошо, давай об алиби Ёсио.

– Я правильно понимаю, что ночь, когда убили Хэйкити, Ёсио провел в Тохоку, в гостинице? Значит, его алиби можно было легко проверить?

– Тут все не так просто. Ёсио ехал в Тохоку поездом в ночь с двадцать пятого на двадцать шестое. Доказать это трудно.

Утром он приехал в Аомори^[22] и, вместо того чтобы сразу поселиться в гостинице, целый день фотографировал в Цугару океан. До самого вечера, когда, наконец, Ёсио добрался до гостиницы, он никого не встретил. В этом проблема. Гостиницу заранее он не бронировал. Выбрал первую попавшуюся. Была зима, мест в гостиницах полно. С женой на связь он тоже не выходил. Получается, раз он оказался в гостинице только двадцать шестого вечером, у него было достаточно времени, чтобы убить Хэйкити. После убийства брата он мог прыгнуть в утренний поезд на вокзале Уэно и как раз успел бы к тому времени, когда заселился в гостиницу.

Целый день двадцать шестого февраля Ёсио бродил по зимнему Цугару, а двадцать седьмого утром к нему в гостиницу приехал знакомый. Вроде поклонник его творчества на ниве путевых заметок. До этого они встречались только один раз. Первую половину дня провели вместе, а после обеда Ёсио сел в поезд и вернулся в Токио.

– Ясная картина! Снимки, которые он сделал двадцать шестого февраля, и должны подтвердить его алиби.

– Согласен. В Цугару тогда выпал снег. И если Ёсио в ту поездку не делал снимки зимних пейзажей, значит, они были у него с прошлого года.

– Если он вообще сам снимал.

– Но у него не было таких друзей, которые могли бы сделать фото и прислать ему пленку. И это понятно – такие действия означают покровительство убийцы. А это дело серьезное. Даже если человек сделал такой шаг по легкомыслию, не зная истинной картины, полиция все равно бы им занялась. Людей, до такой степени обязанных Ёсио, которые пошли бы на это, не нашлось. Кроме того,

полиция изучила фотопленку, представленную Ёсио, и обнаружила на ней кадры дома, строительство которого закончилось в октябре тридцать пятого года. Таким образом, его алиби было установлено. Это один из самых драматических эпизодов в расследовании убийства Хэйкити.

– Хм-м... Значит, с алиби у Ёсио полный порядок, что полностью развенчивает версию о том, что его якобы убили вместо старшего брата.

– Пока согласимся на этом и перейдем к следующему убийству.

– Поехали.

– Итак, следующей жертвой стала Кадзуэ, первая дочь Масако от Сатоси Мураками, удочеренная Хэйкити. Она была убита в собственном доме в Каминогэ.

Смерть наступила месяц спустя после убийства Хэйкити, двадцать третьего марта, между семью и девятью часами вечера. Орудием убийства стала ваза из толстого стекла, которая была в доме Кадзуэ. Вазу нашли на месте преступления. Смерть, видимо, наступила от удара этой вазой. Я говорю «видимо», потому что ваза – единственный оставшийся необъясненным момент в этом деле. Если она послужила орудием убийства – на ней должна была остаться кровь, однако ее не оказалось. Кто-то тщательно стер все следы.

По сравнению с делом Хэйкити убийство Кадзуэ выглядит не столь загадочным. Как ни ужасно это звучит, но с точки зрения криминалистики его можно считать заурядным преступлением, совершенным с целью ограбления. Комнаты в доме были перевернуты вверх дном, шкафы перерыты, деньги и ценности из выдвижных ящиков пропали. Короче, грубая работа. Зачем преступнику понадобилось стирать кровь с вазы, которая, как любому понятно, является орудием убийства? Значит, была какая-то причина.

Интересно, что преступник не стал смывать кровь под струей воды, а почему-то стер ее тряпкой или клочком бумаги. Полиция сразу установила, что на вазе кровь Кадзуэ.

Если б убийца хотел скрыть улики, он мог просто унести вазу с собой. Это было бы куда надежнее, однако преступник поступил иначе, лишь стерев с нее кровь и бросив в соседней комнате, отделенной от помещения, где произошло убийство, раздвижной перегородкой.

– Что же по этому поводу говорила полиция и расплывшиеся после войны доморощенные детективы?

– Они посчитали, что преступник стирал с вазы отпечатки пальцев.

– Понятно. А если предположить, что ваза не была орудием убийства?

– Это невозможно. Конфигурация раны на голове Кадзуэ полностью соответствует форме вазы. Нет никаких сомнений.

– А что, если убийца – женщина? Она могла инстинктивно протереть вазу и поставить на место. Для женщин такое вполне возможно.

– Есть совершенно четкое доказательство обратного. Убедительнее ничего быть не может. Преступник – мужчина. Кадзуэ была изнасилована.

– Ух ты!

– Похоже, что ее изнасиловали уже мертвую. Сперма, обнаруженная во влагалище, принадлежала мужчине с группой крови 0. Среди лиц, причастных к делу семьи Умэдзава, кроме Хэйкити, еще двое мужчин – его брат и сын Ясуэ, Хэйтаро. У Ёсио группа крови А, у Хэйтаро – 0, но у него надежное алиби на время убийства Кадзуэ.

– То есть смерть Кадзуэ, по-видимому, никак не связана с убийством Хэйкити и последовавшими за ней «убийствами Азот». Ее можно рассматривать как несчастливое стечение обстоятельств, которое произошло примерно в одно время с теми убийствами. Впечатление такое, будто семейство Умэдзава кто-то проклял, и кровь семьи легла на Кадзуэ. Слишком много непонятого во всем этом.

– Плана убийства Кадзуэ в записках Хэйкити не было?

– Совершенно верно.

– Когда обнаружили труп?

– Двадцать четвертого марта, около восьми вечера. Жившая неподалеку соседка-общественница решила заглянуть к Кадзуэ, чтобы передать предписание от квартальной управы. Каминогэ тогда была деревня, дома стояли редко, на приличном расстоянии друг от друга вдоль берега Тамагавы. Поэтому Кадзуэ нашли не сразу.

Вообще-то, ее могли обнаружить и раньше. В первый раз женщина явилась в дом Канэмото (Кадзуэ оставила фамилию мужа) на следующий день после убийства, около полудня. Дверь оказалась не заперта, соседка вошла в прихожую и позвала Кадзуэ. Не дождавшись ответа, она подумала, что хозяйка, наверное, отправилась за покупками, оставила предписание на ящике для обуви и удалилась. Кадзуэ должна была передать уведомление другим соседям, но, естественно, не сделала этого. Когда соседи сообщили общественнице, что уведомление до них не дошло, та снова отправилась к Кадзуэ. Уже темнело, но свет в доме не горел. Женщина вошла в прихожую и, обнаружив предписание там, где его оставила, поняла, что случилось что-то нехорошее. Войти в дом она побоялась и побежала к себе. Дождавшись с работы мужа, вместе с ним вновь отправилась к Кадзуэ.

– Канэмото, за которым была замужем Кадзуэ, – китаец?

– Угу.

– Чем он занимался? Торговлей?

– Нет, ресторанами. Семейный бизнес. У Канэмото было несколько приличных китайских ресторанов на Гиндзе и в Ёцуя^[23]. Дела шли успешно и приносили большой доход.

– Значит, у Канэмото в Каминогэ был большой дом?

– Вовсе нет. Самый обыкновенный, одноэтажный. Странно, правда? Поэтому пошли слухи о китайских шпионах.

– Кадзуэ и Канэмото сошлись по любви?

– Похоже на то. Масако, естественно, категорически не хотела, чтобы дочь выходила за китайца. Обстановка тогда не способствовала таким бракам. После свадьбы Кадзуэ даже какое-то время не виделась с родными, но в конце концов Умэдзава вроде бы смирились с ее выбором.

Однако Кадзуэ и Канэмото прожили вместе всего семь лет. За год до ее убийства произошел развод – отношения между Японией и Китаем быстро ухудшались, семейство Канэмото продало свои рестораны и вернулось на родину.

Конечно, Кадзуэ разлучила с мужем война, но несходство характеров тоже сыграло свою роль в их разрыве. Во всяком случае, Кадзуэ ничем не показывала, что хотела бы уехать с мужем в Китай.

Так ей достался дом в Каминогэ. Фамилию после развода она менять не стала, чтобы избежать бумажной волокиты при оформлении имущества.

– Кому достался дом после смерти Кадзуэ?

– Семейству Умэдзава, скорее всего. Из Канэмото в Японии никого не осталось. Детей у Кадзуэ не было, покупать дом, где произошло убийство, никто не хотел, и он, наверное, какое-то время простоял пустым.

– Люди боялись к нему подходить, дом стоял на отшибе, у реки. Идеальное место для создания Азот. Как по заказу.

– Верно. Большинство наших шерлоков холмсов так и подумали.

– Хотя в записках Хэйкити говорилось о Ниигате?

– То есть шерлоки холмсы считали, что преступник убил Кадзуэ, чтобы устроить в ее доме мастерскую, где можно работать над Азот?

– Именно так. И у них были основания так думать. Если посмотреть на последовавшие за смертью Кадзуэ убийства, станет ясно, что преступник хладнокровно воплощал в жизнь тщательно разработанный план. Дом Кадзуэ идеально подходил под мастерскую. Когда случаются запутанные дела, полиция по несколько раз посещает место преступления, но в Каминогэ имело

место банальное ограбление, поэтому полицейские ограничились одним визитом.

Немногочисленные соседи, напуганные происшедшим, старались обходить дом Кадзуэ стороной. Умэдзава – единственные родственники Кадзуэ – и подавно. Люди более или менее сообразительные легко поняли бы, что дом, хозяйку которого ограбили и убили, какое-то время будет пустовать.

Можно предположить, что серию «убийств по Зодиаку», жертвами которых стали члены семьи Умэдзава, совершил тот же самый преступник – человек с группой крови O.

Хотя есть точка зрения, что не следует ограничивать круг подозреваемых лицами, фигурирующими в этой истории, я лично не могу представить, что убийства Азот совершил кто-то, не входящий в их число. Искать преступника, конечно, надо среди уже упоминавшихся персонажей. На эту роль подходит только один человек – Хэйтаро Томита. Так? Ведь только у него группа O.

Однако есть два обстоятельства, фактически исключающие такое предположение.

Во-первых, у Хэйтаро железное алиби. Во время убийства Кадзуэ он вместе с тремя приятелями веселился в «Медичи». Это подтвердила прислуживавшая им девушка из соседнего бара.

Второе. Если Хэйтаро – преступник, убийство Хэйкити Умэдзавы в Мэгуро тоже дело его рук. Однако тут мы сталкиваемся с большой проблемой: как он мог убить Хэйкити в запертой на замок мастерской?

Предположим все-таки, что Хэйтаро убил Хэйкити после того, как натурщица покинула мастерскую. И опять нестыковка. Хэйкити принял снотворное. Хэйтаро мог прийти к нему, чтобы обсудить покупку его картин или что-то в этом роде. Тогда получается, что Хэйкити выпил таблетки на глазах у сына Ясуэ, с которым у него таких уж близких отношений не было.

Или Хэйтаро, перед тем как убить Хэйкити, угрозами заставил его проглотить снотворное? Цель понятна: убедить полицию, что

Хэйкити посетил близкий приятель или друг. Но как в таком случае он один сумел повернуть трюк с запертой мастерской? Мы должны объяснить это, рассматривая версию, что преступником был Хэйтаро.

– Угу. Чем дальше в лес, тем больше дров. Хэйтаро занимался торговлей картинами. А что, если он задумал подписать с Хэйкити контракт на те самые двенадцать картин, которые сам художник называл делом всей жизни, а затем убить его? Ведь это действительно стоящие вещи, если за одну картину можно было купить целый дом?

– Ты прав. Хотя у Хэйкити есть всего одиннадцать работ – да-да, тех самых, – которые можно назвать большими. Я имею в виду, в физическом смысле, размер холстов. Кроме них, его картины в основном небольшого формата. Много этюдов, связанных тематикой с главными работами. Остальное – балерины в стиле Дега. Почти все эти работы взяла в свою галерею Ясуэ, но особой ценности они не представляли.

– Угу.

– Вот такие дела. Если убийство Кадзуэ и преступления против семьи Умэдзава совершило одно и то же лицо, то перед нами предстает образ человека импульсивного и слабовольного. Ничего общего с хладнокровной и интеллектуальной личностью, которую мы себе представляем. Это просто идиот, выставивший напоказ свою группу крови и пол!

– Хм-м...

– Если с Хэйтаро как обладателя группы крови O по вышеуказанным причинам снимаются подозрения в убийстве Кадзуэ, то же самое можно утверждать и в отношении убийства Хэйкити – Хэйтаро не мог доехать по снегу от «Медичи» до дома Умэдзава за сорок минут.

А если мы снимаем подозрения с Хэйтаро, неизбежно встает вопрос о том, что все эти преступления совершил не известный нам человек, не входивший в круг семейства Умэдзава. Конечно, это

наполовину лишает интригу остроты, но ведь мы не ради развлечения занимаемся этим делом.

– Да-да.

– Я думаю – вернее, хочу думать, – что убийство Кадзуэ никоим образом не связано с другими убийствами. Это чистая случайность.

– И ты не считаешь, что в доме Кадзуэ находилась мастерская, где создавалась Азот?

– Хм-м... Я не могу представить, чтобы преступник, задумавший совершить серию убийств, убил еще и Кадзуэ, чтобы завладеть ее домом для выполнения своего плана.

Хотя картина вырисовывается очень живописная. В заброшенном доме, где произошло убийство, безумный художник во мраке ночи работает над своим творением. Прямо как в фантастическом романе! Но давай посмотрим на это с практической точки зрения. Во мраке ночи чем-нибудь заниматься невозможно. Нужно хотя бы свечи зажечь. Тут соседи непременно заметили бы свет, и пошли бы разговоры.

Полиция тут же зашевелилась бы. Полицейских, если б они явились, конечно, можно было отшить: мол, дом мой, и если есть вопросы, приходите с ордером. Но я на его месте подобрал бы другой дом, про который никто ничего не знает. В доме Кадзуэ невозможно было спокойно работать. Невозможно по-настоящему оценить свое творение. Требовалось более уединенное место.

– Согласен, – проговорил Митарай. – Однако многие все еще считают, что Азот была создана в том самом доме. Верно?

– Да, они думают, что преступник убил Кадзуэ, чтобы устроить у нее мастерскую.

– Но если у убийцы была группа крови 0 и это не Хэйтаро, значит, мы неизбежно склоняемся к версии о чужаке.

– Совершенно верно. Вот мы и подошли к узловому моменту.

– Как я понимаю, убийство Кадзуэ осталось нераскрытым?

– Точно.

– Почему же полиция не смогла найти грабителя?

– Таких случаев сколько угодно. Предположим, мы с тобой сейчас поедem на Хоккайдо, убьем там одинокую старушку и украдем деньги, которые она хранила под полом. Весьма вероятно, что полиция нас не найдет, потому что нас с этой старушкой ничто не связывает. Очень много преступлений такого рода не раскрывается.

С другой стороны, когда речь идет о преднамеренных убийствах, у преступника обязательно есть четкий мотив. Если мотив удастся определить, дело, как правило, рано или поздно раскрывают. Обязательно устанавливают алиби замешанных в нем лиц.

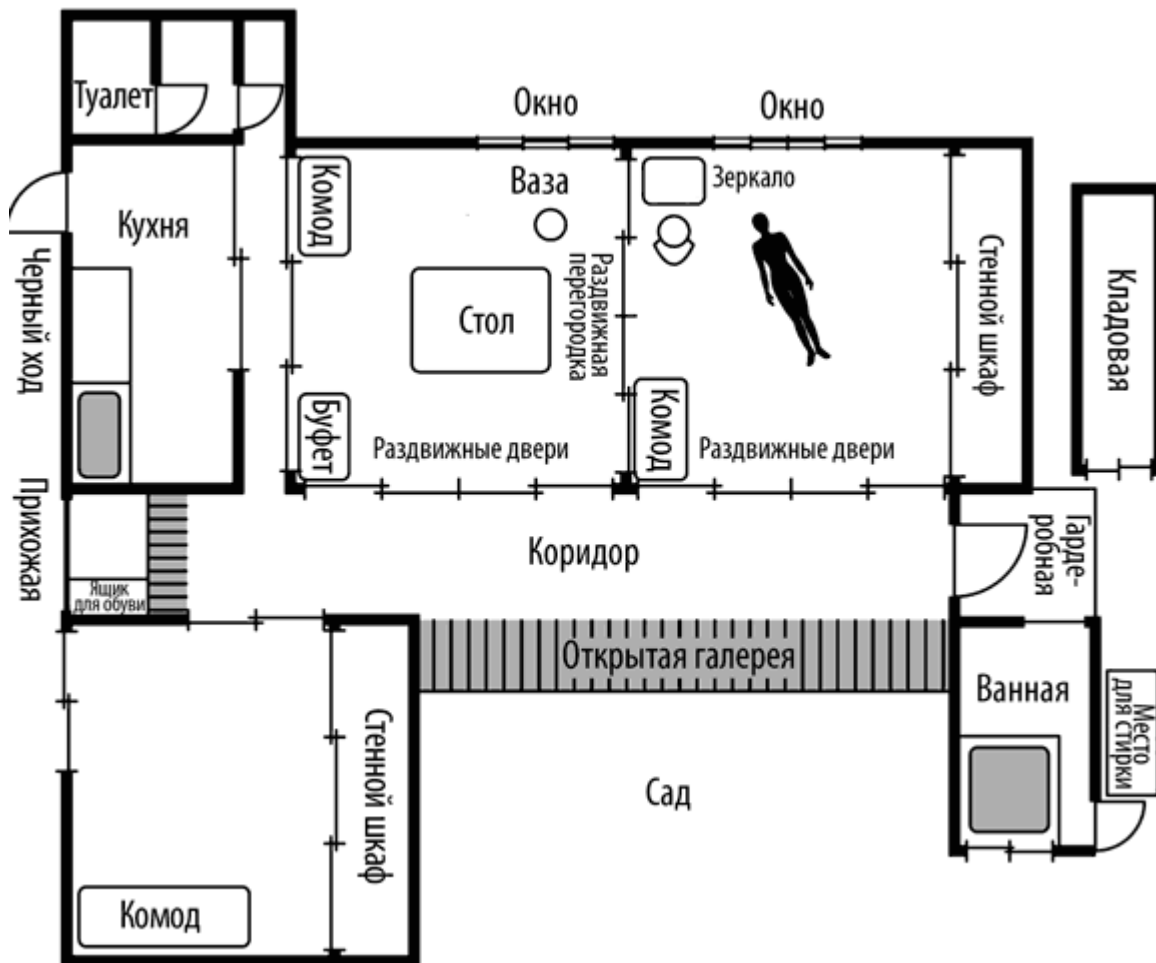
Но с убийствами в семействе Умэдзава проблема как раз и заключается в мотивах, вернее, в их отсутствии. В «убийствах Азот» мотива нет ни у кого, кроме Хэйкити Умэдзавы, которого самого убили.

– М-м...

– Но мне совсем не хочется думать о чужаке. Если это сотворил человек, о котором никто ничего раньше не слышал, все напряжение теряется.

– Значит, ты считаешь, что убийство Кадзуэ – чистая случайность?.. Понятно. И все-таки опиши мне место происшествия.

– Хорошо. Вот книга, вот схема. Добавить к ней особо нечего. Самое обычное дело. Кадзуэ нашли на полу. Она была одета в кимоно, но без нижнего белья. Следов борьбы на одежде не обнаружено.

– Интересно.

– Ничего удивительного. В те времена многие женщины ходили без белья. Ящики из шкафов были выдвинуты, содержимое разбросано по дому. Деньги исчезли. В комнате, где лежала Кадзуэ, стояло трюмо, но его преступник не тронул. Створки были аккуратно сложены, на подставке для зеркала никаких следов. Ваза, послужившая орудием убийства, валялась на татами в соседней комнате за раздвижной перегородкой.

Тело Кадзуэ лежало, как показано на рисунке, хотя, возможно, преступник перетащил ее в комнату уже после того, как ударил по голове. Рана на голове глубокая, удар был сильный, но крови на этом месте почему-то не обнаружили. Убийца мог перетащить свою

жертву туда, где ему было удобнее ее насиловать. Странно, что полиция не сумела установить, где преступник нанес Кадзуэ смертельный удар.

– погоди. Ты говоришь, он ее изнасиловал, когда она уже была мертва?

– Ну да.

– Это точно?

– Очень похоже, что так и было.

– Что-то здесь не вяжется. Ты только что сказал, что одежда Кадзуэ была в порядке. Если мы имеем дело со случайным ограблением и преступником, действующим настолько легкомысленно, что он даже не пытается скрыть свою группу крови и пол, неужели он, надругавшись над женщиной, будет приводить в порядок ее одежду?

– М-да... Пожалуй...

– Ну хорошо. Продолжай.

– Хм-м... Странно, что полиция не установила, где Кадзуэ получила смертельный удар по голове. Вряд ли убийство произошло вне дома. Это маловероятно. Хотя есть люди, серьезно рассматривающие такую возможность. Споры идут до сих пор. В принципе, конечно, все может быть, но я не вижу оснований для такой точки зрения. Осматривая место преступления, полиция обнаружила на зеркале трюмо следы крови. Ее стирали очень тщательно, но до конца так и не стерли. Как выяснилось, кровь принадлежала Кадзуэ.

– То есть ее убили, когда она сидела перед зеркалом и красилась?

– Не похоже. Косметики на ней почти не было. Скорее, она причесывалась, когда преступник напал на нее.

– Она была повернута лицом к зеркалу?

– Да, лицом.

– Интересно! Тогда я опять не понимаю. Дом был одноэтажный?

– Да.

– Судя по рисунку, сбоку от трюмо была раздвижная перегородка. Если Кадзуэ сидела лицом к зеркалу, прямо за спиной у нее была еще одна перегородка, отделявшая комнату от коридора. Грабитель мог проникнуть в комнату, где находилась Кадзуэ, либо из соседней комнаты, отодвинув перегородку, либо из-за спины женщины, из коридора. Других путей у него не было.

Предположим, преступник вошел в комнату из коридора. Кадзуэ увидела бы его в зеркале трюмо. И продолжала спокойно сидеть, дожидаясь, пока он ее ударит? Это невозможно. Она непременно вскочила бы и бросилась бежать.

А если грабитель вошел сбоку? Тогда он все равно бы отразился в одной из створок трюмо. Даже если Кадзуэ его не заметила, она почувствовала бы, что в комнату кто-то вошел, услышав звук отодвигавшейся перегородки. Она должна была инстинктивно обернуться. Кстати, удар был нанесен спереди?

– Нет, мне кажется... Подожди минутку. Нет, Кадзуэ получила удар по затылку. Она сидела спиной к преступнику.

– Хм-м... Любопытно! Убийца, конечно, мог влезть в дом через окно, но это еще более маловероятно. Пока он лез в окно, Кадзуэ спокойно расчесывала волосы и ждала, когда он ее пристукнет?

Очень странно! Версия о случайном ограблении явно не прокатывает. Кадзуэ знала своего убийцу. Иначе быть не может. Жертва сидит на стульчике перед трехстворчатым зеркалом. И в таком положении ее спокойно убивают. Она не встает, не пытается спастись, даже не оборачивается. Так и сидит, уставившись в зеркало. Ничего не предпринимает, даже видя, как преступник приближается сзади.

Это был ее знакомый, причем довольно близкий; готов держать пари. Кадзуэ должна была видеть его в зеркале. Я абсолютно уверен, что мы имеем дело не со случайным ограблением и отнюдь не с опрометчивым человеком. Разве такой тип будет тщательно стирать кровь с зеркала? Преступник сделал это, чтобы скрыть

близкие отношения с жертвой. Тут не может быть сомнений. Это же такая зацепка!

Жертва и убийца были близки. Даже очень близки. Возможно, даже были любовниками. Разве женщина будет сидеть спиной к мужчине, которого мало знает? Тем более женщина тридцатых годов.

И вот что еще странно. Зачем мужчине понадобилось насилловать женщину, с которой он и без того находился в интимных отношениях? Да еще мертвую? Думаю, он имел достаточно возможностей получить удовольствие, когда Кадзуэ была жива. Секс у них был. Но до убийства.

– М-да... В книге никаких доводов не приводится. Просто сказано, что Кадзуэ изнасиловали, уже когда она была мертва. То есть это такая общепринятая версия. Хотя и странная, я с тобой согласен.

– Выходит, преступник был некрофил? Шизофреник? Так или иначе, он находился в близких отношениях с Кадзуэ. У нее тогда был мужчина? Что известно?

– Извини, но полиция пришла к заключению, что у нее никого не было. Этот вопрос они тщательно проработали.

– Ладно, сдаюсь... Хотя нет, погоди! Ты говорил, что Кадзуэ была ненакрашена?

– Да, а что?

– Женщина за тридцать ждет мужчину и не красится перед его приходом?.. Точно! Это была женщина! Понятно тебе? Женщина!

Нет... Не годится! Женщина неспособна извергать из себя сперму. Но если все-таки это была женщина, все становится на свои места. В присутствии знакомой Кадзуэ могла спокойно сидеть за трюмо, повернувшись к ней спиной. Могла не краситься. Убийца с улыбкой на лице приблизилась к ней, пряча за спиной вазу и... трах! Потому-то жертва и не пыталась убежать, не обернулась.

Но сперма! Как с этим быть? Хм-м... А что, если убийца принесла сперму с собой? Это могла сделать жена Ёсио. Взяла сперму мужа... Не подходит! У Ёсио группа крови А.

– Кроме того, полиция могла проверить сперму на свежесть. Будь она вчерашняя или позавчерашняя, сразу установили бы.

– Твоя правда... У сперматозоидов день пройдет – и хвостики отрываются. Легко можно определить, сколько сперме дней. Раз так, расскажи, как у всех фигурантов обстоят дела с алиби.

– Вообще-то с алиби у всех не очень. Про Хэйтаро мы уже говорили. Твердое алиби только у него.

Его мать, как обычно, была в «Медичи», но как раз в то время, когда произошло убийство, куда-то отлучилась. Сказала, что вышла пройтись по Гиндзе. Так что у Ясуэ алиби нет.

Что касается семьи Умэдзава, то Масако, Томоко, Акико и Юкико были у себя дома, готовили ужин.

Токико как раз в это время опять уехала в Хоя, к матери. Так что у четырех женщин вроде бы имеется алиби, хотя, кроме них самих, подтвердить его некому.

Совсем нет алиби у Рэйко и Нобуё. Они утверждали, что вместе ездили в Сибую^[24], в кино. Картина кончилась около восьми вечера, после чего они поехали к родителям и были у них в девять.

Теоретически преступление могла совершить эта пара. По линии Токио – Иокогама Каминогэ не так далеко от муниципального колледжа. Но ведь Рэйко и Нобуё были еще девчонки – двадцать лет и двадцать два года. Нет, скорее всего, они ни при чем.

Примерно такая же ситуация с Аяко и Ёсио. У них подтвержденного алиби нет.

Так обстоят дела с алиби. Но ведь есть еще и другая тема – мотивы. А в случае с Кадзуэ, в отличие от дела Хэйкити, мотивов нет ни у кого.

Ясуэ Томита, так же как и ее сын, никогда не встречались с Кадзуэ.

С Ёсио и Аяко та же картина. Конечно, они знали Кадзуэ, но были не настолько с ней близки, чтобы у них по какой-то причине возникло желание ее убить.

А девушкам зачем было убивать Кадзуэ? Сестра все-таки...

– Кадзуэ часто бывала в доме Умэдзава? – спросил Митарай.

– Не очень. Ни у кого не было повода ее убивать. Поэтому я и говорил об ограблении. Но, так или иначе, с появлением госпожи Иида делу семьи Умэдзава дан новый толчок. Почему бы нам теперь не перейти к «убийствам Азот»?

Сцена 4

Фруктовый сок с ядом

У Митарай, видимо, еще оставались вопросы по делу Кадзуэ, но он сказал:

– Ладно, поехали дальше. У меня, правда, есть кое-какие сомнения, но к ним мы вернемся позже.

– Итак, переходим к самому главному, – начал я. – Предельно необычному и загадочному. Я имею в виду то, что называют «убийствами Азот».

Спустя два или три дня после убийства Кадзуэ, произошедшего двадцать третьего марта, состоялись похороны. Поскольку семью Умэдзава явно преследовал злой рок, они решили совершить обряд очищения, изгнать преследовавших их духов. Для этого выбрали гору Яхико, которая находится в префектуре Ниигата, в провинции Этиго. Эта гора упоминается в записках Хэйкити. Записки – это его завещание, последняя воля. Все Умэдзава боялись, что Хэйкити проклянет их, если они не исполнят волю покойного, собиравшегося побывать на Яхико.

– Чья была идея поехать туда?

– Возможно, это предложила Масако, единственная оставшаяся в живых представительница семьи Умэдзава. Но, похоже, они все хотели туда поехать. Двадцать восьмого марта Масако, а вместе с ней Томоко, Акико, Юкико, Токико, Рэйко и Нобуё, которым предстояло принять смерть из-за Азот, отправились из Токио в Ниигату. Они выглядели как ученицы балетной школы, выбравшиеся на экскурсию. В каком-то смысле все воспринимали эту поездку как возможность отвлечься от мрачных мыслей. Вечером того же дня все прибыли на место, переночевали в гостинице и на следующий день поднялись на Яхико.

– А храм на горе они посетили?

– Конечно. Недалеко от Яхико есть местечко Ивамуру с горячими источниками. Ты, верно, о нем не слышал? От Яхико на автобусе – всего ничего. Они приехали туда вечером, переночевали.

Ивамуру расположено в национальном парке Садо-Яхико. Там очень живописные места, поэтому молодежь захотела остаться там еще на день и потом вернуться в Токио.

Не помню, говорил тебе или нет: Масако родом из Аидзувакамацу, который тоже не так далеко от Яхико, и ей захотелось навестить отчий дом. У нее были сомнения, стоит ли ехать туда всем скопом. В конце концов она решила отправиться одна. Девочки уже взрослые, хотят остаться в Ивамуру еще на день – пожалуйста. Масако сказала, что тридцатого марта утром отправится в Аидзувакамацу и они встретятся дома в Токио. Девушки должны были провести тридцатое число в Ивамуру и уехать на следующее утро, чтобы к вечеру тридцать первого быть в доме Умэдзава в Мэгуро.

Масако уехала из Ивамуру тридцатого утром и днем уже была в Аидзувакамацу. Проведя с родственниками два дня, утром первого апреля поехала домой. Думала, что девушки уже вернулись и вечером они все встретятся.

– То есть предполагалось, что девушки будут ждать мать в Токио первого апреля?

– Именно так. Но когда Масако, как и планировала, первого апреля вечером приехала домой, девушек там не оказалось. Судя по тому, что все в доме было как до их отъезда в Ниигату, до Мэгуро они так и не добрались.

Пропавших девушек обнаружили убитыми. Их тела были найдены точно так, как описывал в своих записках Хэйкити: в разных, неожиданных местах, и у каждого тела отсутствовала какая-то часть. Ужасно! А Масако арестовали.

Я сделал паузу и взглянул на погруженного в свои мысли Митарай.

– Арестовали? Не по подозрению в убийстве Кадзуэ, надеюсь?

– Нет, конечно. Подозревали, что она виновна в смерти Хэйкити.

– Полиция установила, что преступники подтянули кровать к потолку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

本格 **СОДЗИ
СИМАДА**

ТОКИЙСКИЙ ЗОДИАК

ХОНКАКУ-ДЕТЕКТИВ

ЯПОНСКИЙ ШЕРЛОК ХОЛМС

1

Цельс – римский философ второй половины II в. Помимо критики христианства известен трактатами о магии и чародействе.

[Вернуться](#)

2

Мк. 9:17–18.

[Вернуться](#)

3

Феномен «глобус истерикус» (ощущение спазма, комка в горле) в Средние века считался признаком одержимости, проявлением внутреннего зла.

[Вернуться](#)

4

Геката – древнегреческая богиня тьмы, всего таинственного, магии и колдовства.

[Вернуться](#)

5

Под этим именем автор, видимо, имеет в виду легендарного алхимика XI в. Джона Гарланда Англичанина, писавшего под разными псевдонимами.

[Вернуться](#)

6

Трактат III в. «Философские мнения и обличение на все ереси», рассматривающий, в частности, предания древней магии и астрологии как источник антихристианских ересей.

[Вернуться](#)

7

Пригород Токио.

[Вернуться](#)

8

Ок. 2000 кв. м.

[Вернуться](#)

9

В этом доме ныне расположен музей известного французского художника-символиста Г. Моро (1826–1898).

[Вернуться](#)

10

«Вы японка?» (*япон.*)

[Вернуться](#)

11

«Каштаны, каштаны, жареные каштаны!» (*фр.*)

[Вернуться](#)

12

Художник, созданный фантазией автора, видимо, навеянной творчеством французского художника-новатора Ива Кляйна (1928–1962).

[Вернуться](#)

13

Цикл – устаревшее наименование единицы измерения частоты периодических процессов, которая с 1960 г. измеряется в герцах.

[Вернуться](#)

14

Химиико – правительница одного из первых японских раннегосударственных образований, страны Яматай, жившая в II–III вв. н. э.

[Вернуться](#)

15

Мононобэ и Сога – древнейшие японские фамилии. Роду Мононобэ традиция приписывает божественное происхождение.

[Вернуться](#)

16

Японское название Курильских островов, южную часть которых Япония считает своей территорией.

[Вернуться](#)

17

Асакуса – район Токио.

[Вернуться](#)

18

Экономический район в северо-восточной части о. Хонсю.

[Вернуться](#)

19

Город в префектуре Фукусима, относящейся к району Тохоку.

[Вернуться](#)

20

Город в префектуре Аомори, входящей в экономический район Тохоку.

[Вернуться](#)

21

Пригород Иокогамы.

[Вернуться](#)

22

Префектура и город на северо-востоке о. Хонсю в экономическом районе Тохоку.

[Вернуться](#)

23

Фешенебельный район Токио.

[Вернуться](#)

24

Район Токио, где сосредоточено много кинотеатров и других увеселительных заведений.

[Вернуться](#)